

МАРГАРИТА МАЛИНИНА

**КРОВАВОЕ
СИЯЮЩИЕ НЕБЕС**

ЮЛЯ И КАТЯ: ПОРА БРАТЬСЯ ЗА РАССЛЕДОВАНИЕ

Юля и Катя: пора браться за расследование

Маргарита Малинина

Кровавое сияние небес

«Автор»

2013–2014

Малинина М.

Кровавое сияние небес / М. Малинина — «Автор», 2013–2014 — (Юля и Катя: пора браться за расследование)

В подмосковном Гогольске происходят поистине мистические события: почти каждую ночь жители видят в небе загадочные красные сияющие шары, похожие на НЛО. И если раньше пришельцы были мирными, то теперь сразу после их появления в небе на заброшенной стройке, куда приходит молодежь посмотреть на НЛО, находят труп девушки. Этой же ночью, но в другой части города умирает ее родная сестра – и тоже при весьма загадочных обстоятельствах. Расследовать эти мистические события в качестве внештатных корреспондентов отправляются подруги Юля и Таня. Юля понимает, что смерти сестер и НЛО связаны между собой. Мистика кроется еще и в том, что одна из умерших внутренне была очень похожа на Юлю, а вторая – на Таню. Ложкой меда оказывается приезд в Гогольск знаменитого актера, в которого Юля была заочно влюблена и который начинает оказывать им обеим знаки внимания. Однако убитым сестрам он тоже их оказывал...

© Малинина М., 2013–2014

© Автор, 2013–2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Маргарита Малинина

Кровавое сияние небес

Пролог

«Ненавижу! Ненавижу! Чтоб ты сдохла! – металась в голове разрушительная мысль, была изнутри, сжигала, калечила остатки разума и совести, пока девушка перебирала содержимое ящичков стола и полок на кухне. – Где же это... Где оно... Было ведь здесь... Наконец-то! – ликуя, она достала маленький пузырек из темного стекла с предупреждающими надписями на грозной черно-белой этикетке. – Господи, благослови крыс...»

Она взяла ярко-синюю кружку, заблаговременно принесенную на кухню, с остатками чая, отсыпала в нее мышьяка, а пузырек вернула в ящик стола. Размешав вместе с ломтиком лимона, бегом отнесла в одну из комнат третьего этажа и оставила именно в том месте, откуда брала.

Через две минуты после этого уже другая девушка вошла в дом. Она сразу же бросилась на кухню, взяла из одного из ящичков тот же пузырек (она всегда точно помнила, где что лежит в доме), взяла стакан с соком, насыпала туда белый порошок и старательно размешала, приговаривая: «Пей, дрянь, пей... Апельсиновый сок очень полезен...» Спрятала мышьяк обратно в ящик, а стакан поставила точно в то место, откуда брала. Хотела пойти наверх в свою комнату, но вместо этого раздвинула шторы и выглянула в окно.

На неприветливо-черном фоне предночного неба, где-то очень высоко над землей, горели таинственные красные шарообразные объекты.

– Я сделала все, как вы хотели, – сказала им девушка и отправилась в свою комнату, чтобы выпить чаю из ярко-синей кружки.

Глава 1

– Я еще не встретил свою единственную, – с мечтательной улыбкой нежно проворковал Антон Комиссаров и застенчиво потер пальцами правую часть шеи.

– То есть вы ни с кем не встречаетесь? – задала новый провокационный вопрос ведущая ток-шоу.

– Встречаюсь, но постоянной девушки у меня нет. Я в поиске. – Зал взревел.

– Какой она должна быть – девушка Антона Комиссарова?

– Я люблю уверенных в себе женщин, которые точно знают, чего они хотят, таких... сильных и независимых личностей, понимаете? – Ведущая кивнула, чтобы подтвердить свое понимание. – Я вырос с тремя сестрами и был для них любимым... Нет, не так. Единственным, а потому любимым братом. – Все оценили шутку и засмеялись. – Я привык к тому, что они изгалялись каждая по-своему, чтобы привлечь мое внимание, поэтому для меня важна индивидуальность в женщине.

Мама взяла пульт и переключила на сериал про врачей.

– Э, я смотрела! – возмутилась я до глубины души.

– Ты же не смотришь телевизор! А тем более пустопорожнюю болтовню.

– Но это же Антон Комиссаров! Это святое!

Мама весьма озабочена тем, что в свои двадцать один я не только не замужем и не только даже не близка к этому статусу, но и вообще никогда в жизни не была к нему близка. Периодически возникающая в течение последних четырех лет личная жизнь очень быстро разочаровывала и посему так же быстро затухала. Гораздо больший процент времени я нахожусь в состоянии одиночества, нежели в состоянии романтических отношений. Когда это стало давать повод моим знакомым, родственникам и не самым близким подругам подозревать вашу покорную слугу в нетрадиционной ориентации (никому же не интересна Юля-неудачница, гораздо занимательней звучит Юля-лесбиянка, не правда ли?), я придумала изящный способ от них отвязаться: притворилась влюбленной в одного известного молодого актера, обладающего до ужаса привлекательной внешностью. Все стали меня жалеть (а некоторые, как мама, к примеру, крутить пальцем у виска) и с вопросами о личной жизни потихоньку отстали. Я же, к своему великому удивлению, обнаружила у себя способность к самовнушению, ибо в двадцатый раз повторив, что выйду замуж только за Комиссарова, неожиданно ощутила укол в сердце, увидев его в тот же час по телевизору. От него многие несовершеннолетние девочки и слегка совершеннолетние девушки были без ума, но я-то себя считала как раз с умом, в смысле, далеко не глупой, и никак не могла предугадать, в какие дебри заведу сама себя такой безобидной и дурацкой шуткой. То есть я находила его раньше интересным и харизматичным, но на этом все. А теперь его слегка кучерявые русые волосы, мужественный подбородок, брутальная щетина, пухлые губы, правильный нос, выразительные надбровные дуги и мудрые продолговатые глаза заставляют живот съеживаться, сердце бешено стучать, а глаза наполняться влагой.

– Ну и где ты его встретишь? – ответила мне мама. – Подумай здраво. Ладно бы в Москве жила и вела дружбу с творческой элитой... А еще лучше – была бы актриса. Но с твоим-то характером! Одумайся, овца! Не твоего поля эта ягода.

– Не так уж и далеко мы живем! В каких-то десяти километрах от МКАДа... – ответила я чисто из вредности, но внутренне осознала правдивость родительской сентенции. Характером меня природа наделила не ахти... Точнее сказать, не характером, а темпераментом – я глубокий интроверт, сидящий в бездонной яме меланхолии. Необщительная, тихая, скромная. Взять, допустим, институт: всегда знаю ответ, но никогда не подниму руку. Пока не спросят, отвечать не стану. Сама мысль о том, что сейчас вся группа услышит мой робкий голос, приводит меня в шоковое состояние. Теперь вы понимаете, что такому человеку на сцене делать

абсолютно нечего? Подавать себя я совершенно не умею, так что в категорию «уверенных в себе», «знающих, чего хотят» и «сильных и независимых» я попаду, лишь оказавшись в зеркальном мире, где все противоположно нашему, или же если разбирать дамский пол по категориям будет какой-нибудь умственно отсталый и подслеповатый менеджер-классификатор, который, увидев меня, не сможет разобраться, что я за человек. Или просто за взятку.

Обследовав внутренности кошелька, я горестно вздохнула, уяснив, что этот путь явно не мой. Придется искать дорожку в Зазеркалье.

– Выключи хотя бы этих ненавистных врачей, – попыталась я отыскать компромисс с собственной родительницей. – Ты же знаешь, как я их боюсь!

– Но я тоже врач! – с изумлением пополам с обидой обернулась ко мне мать.

– Так я и тебя боюсь! – не стала я скрывать и ушла на кухню.

Ставя электрический чайник на подогрев, я думала о том, как же хорошо находиться дома в будний день. На работе предоставили оплачиваемый отпуск для сдачи сессии, половину экзаменов и зачетов я сдала досрочно, оставшаяся половина не внушала особого ужаса даже мне – законченной перфекционистке, готовой обои жевать ради оценки «отлично». В итоге полторы недели можно предаваться ничегонеделанию, потому что к остальным дисциплинам я успею подготовиться за несколько дней.

Когда чайник закипел и выключился, раздался телефонный звонок. Мама была увлечена сериалом, поэтому трубку, против обыкновения, сняла я.

– Юлёна, сколько лет тебя не слышала! – обрадовалась мне Танька Грачева, как будто это я ее набрала. – Ты че, номер мобильного сменила? Дозвониться смогла только на городской. Как поживаешь? – Я рассказала в двух словах, заверила, что номер сохранился, просто, видимо, разрядился телефон, а заодно напонила, что слышала она меня каких-то полгода назад. – Ну это же редко! Мы десять лет школы за одной партией выдержали! Это чего-то да стоит! Год школы идет за три года жизни!

– Это в тюрьме...

– Школа – та же тюрьма! И как ты добровольно в институт пошла, я не понимаю? Тебе в школе заданий, ответов у доски, диктантов и экзаменов было мало?

– Ты зачем позвонила-то? – не выдержала я. Не сказать, чтобы Таня меня раздражала, просто... она меня *очень-очень* раздражала. И на контакт я с ней редко выходила именно по этой причине.

Оказалось вот что. Дядя Рыжей (Танина кликуха в школе) является главным редактором местной газеты. Они пишут обо всех событиях, происходящих в городе и районе, и о выдающихся событиях, случающихся в соседних городах. Итак, в маленьком Гогольске, также входящем в Московский регион, последние полгода жители наблюдают в небе странные светящиеся объекты красного цвета, предположительно НЛО. В штате есть замечательный сотрудник, освещающий информацию такого рода, но, к сожалению, он сломал ногу. Внештатники давно и с энтузиазмом шлют короткие видеоролики, фотографии и заметки, но главред им не верит. Он вообще во все сверхъестественное не верит. Остальные журналисты-штатники имеют много работы и маленький оклад: газета не спонсируется администрацией и живет только за счет рекламы. Короче, ввиду того что Таня не обременена ни учебой, ни работой и имеет страсть как можно чаще менять местоположение, ей предлагается поехать в Гогольск и собрать материал. Поспрашивать местных и самой пронаблюдать явление. Журналисты любят раздувать из мухи слона, это их хлеб, их репутация, их будущая известность, а родственница ничего выдумывать не станет. Она, по ее словам, засиделась, ее натура срочно требует смены дислокации. Но одна Таня категорически ехать не хочет.

– Ты сможешь оторваться от сессии на пару деньков? Пожа-алуйста! – молитвенно протянула бывшая одноклассница и неслучившаяся сокурсница. Мы вместе подавали документы в наш институт. Затем Грачева решила, что учиться экономике – абсолютно не ее призвание

(она должна быть звездой, а где вы видели экономистов, у которых берут интервью?), и на второй вступительный экзамен не явилась. – Поехали в Гогольск вместе!

Вот так всегда! Стоит произнести или хотя бы подумать: «Как хорошо быть дома», – как тут же надо куда-то идти! Или ехать.

– Эту неделю я свободна, – осторожно начала я, – но как мы с тобой сможем написать статью, мы же не журналисты? Мы не подведем твоего родственника?

– Да ты что, кто нам доверит? Писать будет корреспондент, тот, который лежит с ногой! – Перевод для нормальных людей «в больнице со сломанной ногой». Потому что с обычными ногами лежат все и не только в больницах. Грачева частенько изъясняется загадочно, я буду всегда уточнять для читателя, что она имела в виду, так как за длительные годы знакомства научилась достаточно хорошо ее понимать. – Мы ему отнесем надыбанную инфу, а он пусть клепают! – «Найденную информацию», «пусть пишет».

– Иными словами, мы его временные руки и глаза?

– Молодец, Образец! – Моя фамилия Образцова, поэтому в то время как Танька была Рыжей, я носила именно такое прозвище. – Дядя оплатит все расходы, связанные с проживанием и поиском инфы, а туда нас довезет папа. Так что отделаемся легко! Только на еду потратимся.

Вследствие сегодняшнего знакомства с внутренностями собственного кошелька я была несказанно рада услышанному.

Я не могла не позвонить своей лучшей подруге Кате с предложением поехать в Гогольск, во-первых, потому что все приключения мы традиционно претерпеваем вместе, во-вторых, потому что я боялась, что не вытерплю Грачеву один на один и спешно ретируюсь из города где-нибудь на втором часу совместного проживания. В то же время мы как-то жили с Танькой под одной крышей (кстати сказать, в этой самой квартире) и со временем научились сосуществовать. Может, и сейчас обойдется? Не убью же я ее в самом деле, я человек добродушный и покладистый. Тем не менее Катя должна была знать, где я буду находиться ближайшие дни.

– Таинственные красные огни? – ошеломленно переспросила подруга. – Везет же нам на фантастику последнее время!

– Ага. – Некоторые наши расследования действительно были окрашены в мистические тона.

– И все равно я скептик, ты же знаешь. Да, бывают редкие исключения, но именно что – редкие. Редчайшие.

– Я тоже не верю в НЛО, – кивнула я. – Но ты же знаешь, меня легко провести. А Танька всегда витает в облаках. Ты бы нам ой как пригодилась в этой миссии как человек, твердо стоящий на земле и никому на слово не верящий.

– Я не могу, увы, – печально вздохнула Екатерина. – Сама знаешь, мне некогда. У меня защита на носу. А ты поезжай, оторвись как следует. И держи меня в курсе!

– Буду звонить, – пообещала я, улыбаясь.

На следующий день не успела я сесть в машину и поздороваться с Танькиным отцом, как была огорошена известием:

– Наше дело обрастает подробностями, – заговорила Грачева. – Двадцать первого, то есть четыре дня назад, были найдены тела обеих дочерей мэра Гогольска.

– Так мы криминальную колонку ведем или освещаем таинственные происшествия? – не поняла я.

Новая напарница достала из сумки распечатку с сайта и протянула мне.

– Я посетила вчера gogolsk.ru и наткнулась на это! Две дочки мэра умерли одновременно в разных местах, но главное для нас то, что одна из них очоурилась на пустоши, куда приходит местная молодежь позырить на огни!

Первые минуты я не могла вымолвить ни слова, настолько меня поразил несвойственный для Грачевой сверхответственный подход к какому-либо мероприятию. У меня вот даже мысли не возникло изучить город, в который мы направляемся, посредством интернета.

– Думаешь, что смерть одной из них связана с красными объектами?

– Не знаю, но это пипец как странно.

Порадовавшись мысленно тому, что Татьяна со своим превосходным русским языком не будет писать статью сама, я взяла у нее из рук бумагу. Новостная заметка была, к сожалению, весьма лаконична.

«Город потрясло сообщение о смерти обеих дочерей мэра, Дарьи и Александры, возраст 19 и 21 соответственно. Одна из них, Александра, была найдена на заброшенной стройплощадке задушенной. Труп Дарьи нашла дома горничная, пришедшая утром на работу. Родителей в тот момент в городе не оказалось. Девушку убило током. Убийство это, самоубийство или несчастный случай – разбирается следствие. В том, что Сашу, старшую дочь, убили – нет никаких сомнений, вопросы рождает другое: кто или что это сделало? Живой человек или пришельцы из космоса? Так как, по рассказам очевидцев, в эту ночь жители вновь наблюдали над местом, где было совершено преступление, непонятные красные огни...»

– А где написано, что они умерли одновременно? – попеняла я приятельнице на желание драматизировать на ровном месте.

– Нигде, Образец, – пожалала та плечами. – Это логика. Если бы убили дочь мэра, об этом сразу же написали бы на сайте города. Однако в предыдущих новостях – ничего.

– Какой даты предыдущая новость? – несмотря на сомнения в тоне, я Танюху после этой реплики зауважала. Время меняет людей. Раньше она была, бесспорно, глупее меня. – Может, сайт редко обновляют?

– Предыдущая новость была о возобновлении реконструкции церкви, и разместили ее за два дня до этой. Еще раньше – про выставку каких-то там цветочков.

– Приедете на место – разберетесь, – встрял в наш диалог водитель, Виктор Витальевич. – Сейчас-то что голову ломать?

Рассматривая его темно-рыжий затылок, я понимала, откуда у Таньки взялся этот интересный цвет волос. Гены – штука сильная.

Гогольск находился в тринадцати километрах от нашего города и имел численность населения не больше пятидесяти тысяч. Гостиница здесь была, разумеется, всего одна, туда-то нас и привез добрый Танин папа. Мы поблагодарили его (точнее, я поблагодарила, а дочка сделала вид, будто так и надо) и вышли из машины.

Перед нами высилось пятиэтажное здание, отель занимал только часть жилого дома и всего два этажа из наличествующих. Вывеска была белая, невзрачная, заляпанная грязью и дождем, а одна из ступенек порога имела отколотый край. Мы с Таней переглянулись с явной печалью, предвкушая сон в обнимку с клопами и волосы в свободном от мяса супе на обед, и прошли в фойе. Однако внутреннее убранство резко контрастировало с экстерьером, что вселяло определенные надежды.

За стойкой мыл телефонный аппарат влажными салфетками высокий тучный мужчина с довольно длинными черными волосами, наметившейся бородкой и выразительным носом. Обратил к нам смуглое лицо.

– Чем могу?

– Здравствуйте, – пропела Грачева и переложила длинную рыжую косичку на плечо. – Мы из «Областного вестника», вас предупреждали о нашем приезде и должны были забронировать два лучших номера на фамилию Грачевой.

Услышав название газеты, мужчина просветлел.

– Эдуард Петрович Исирман, – кинулся он с нами здороваться за руку прямо через стойку, бросив свой телефон. – Как я рад! Как рад! Да, конечно, я оставил за вами два люкса.

– Люксы? – удивилась я.

– Расслабься, Образец, – важно улыбаясь, словно она какая-то голливудская звезда, произнесла Таня. – Редакция платит, поэтому берем только самое лучшее!

– Редакция не платит, потому что по закону не может являться хозяйствующим субъектом.

– Ой, ну, значит, расплачивается какое-нибудь ООО, какая разница? Дядя сказал, собирайте все чеки, вот и будем собирать... Где-где поставить подпись? Вот здесь, да?.. Еще тут?..

Пока Танюха пыхтела над формами, я стала водить глазами по вестибюлю без особого энтузиазма, но вскоре громко ахнула. Вот не зря помянула сейчас звезд... Неужели мысли действительно умеют материализоваться?.. Не знаю, но, так или иначе, на стене возле стойки висела в рамке фотография Комиссарова, отмеченная его автографом.

– Да! – заметил мой возглас мужик с непривычной фамилией. – Добрая традиция каждого ресторана и отеля создавать уголок для известных личностей, посещающих их детище. Думал ли я, открывая эту гостиницу, что в нашем скромном городке появятся такие звезды? Фы, – издал он странное междометие. – Отнюдь!

– У вас останавливался Антон Комиссаров?! – не могла я поверить. – Когда?!

– Пару месяцев назад. Какой приятный молодой человек, скажу я вам!

У меня вспыхнули щеки, и по сердцу разлилось приятное тепло. Ощущение, будто похвалили мое чадо, хоть у меня его и нет.

Татьяна, отдавшая заполненные бумаги, подошла ко мне и взглянула на фото.

– Какая милая мордашка! Он актер?

– Конечно! – прыснула я возмущенно. – «Война ради войны»... «Измена»... А этот готический триллер «Франц» чего стоит! Ты что, не смотрела?

– Не-а. Хотя рожа вроде знакомая... Может, и видела где. Я названий не запоминаю. Но тягомотину про войну не смотрю точно.

– У него очень разноплановые роли. И молодежные ужастики, и глубокомысленные некоммерческие фильмы, и...

– Ну и фиг с ним, – невежливо перебила меня товарка, когда я всю настроилась читать лекцию о значительности вклада данного актера в отечественную культуру и кинематограф.

Взяв ключи, мы втроем поднялись на второй этаж, так как Эдуард Петрович посчитал своим долгом таких важных гостей проводить самолично.

– Я очень рад, что представители прессы поселились в моей гостинице, – радостно пофыркивал он по дороге. Его темно-карие глаза под черными густыми бровями заинтересованно поблескивали то в сторону Таньки, то в мою.

– Так других же здесь нет... – как всегда нарушая все правила такта, сказала спутница то, что первым пришло на ум.

– У вас камера с собой? Будете снимать красные космические корабли, да?

– За ними и приехали, – кивнула Рыжая, вставляя ключ: ее номер попался по дороге первым, мой был по соседству.

– Не только за ними, – встряла я. – У вас тут, оказывается, ужасный случай произошел в семье мэра? – Меня отчего-то зацепила история про двух дочерей. Может, она и не была связана с первостепенной задачей, для которой нас сюда послали, однако, бесспорно, вызывала интерес. Почему оба ребенка главы города скончались одновременно или почти одновременно, но в разных местах? Если это связано с их отцом и его деятельностью и смерти были показательными или назидательными, тогда бы их собрали вместе и вместе бы убили. Вдруг Таня права и убийство как минимум одной имеет отношение к таинственным огням?

– Да, это потрясло весь город, – тут же загрустил хозяин. – Если вам нужна будет информация, заходите ко мне в каптерку на чашку кофе. Расскажу все, что знаю.

На этом мы расстались.

Итак, я попала в номер-люкс. Я люблю путешествовать и, когда водятся деньги, частенько это делаю, поэтому не сказать чтобы я особо впечатлилась. Да, номер не походил на комнатки класса «стандарт-дабл», в которых мы обычно селились с подругой в поездках. И тем не менее не мог похвастать ни огромными размерами, ни предметами роскоши. Единственное, что цепляло, – это гигантское зеркало в широкой кованой бронзовой раме, выполненной в форме каких-то цветков и ветвей, повешенное прямо напротив широкого ложа. Зачем оно здесь? В то же время кровать, размещенная изголовьем в центре стены, и две тумбы по бокам говорили в пользу того, что номер предназначался для пары. Таким постояльцам зеркало бы не помешало, а даже привнесло бы в жизнь остроту. Но вот я категорически не жаловала открытые зеркала, да еще и в спальне. Не то чтобы я верила, что это портал в параллельный мир и оттуда за нами наблюдают всяческие сущности, просто в темноте, когда глаз попадает на гладкую посеребренную поверхность, периодически начинает мерещиться что-то... недоброе.

Глянув на покрывало, я испустила вздох облегчения. В крайнем случае завешу зеркало тканью, и все.

Разместив вещи в гардеробе, на полках, в тумбе и в ванной, я вышла из номера и постучалась к Таньке. Та на стук не вышла, и, прислушавшись через дверь, я поняла, что она принимает душ. Ну и ладно, справлюсь одна.

Хозяин гостиницы выглядел дружелюбным человеком, настроен был к нам изначально хорошо, к тому же сам предложил к нему обратиться за информацией, поэтому я посчитала для себя безопасным отправиться к нему в так называемую каптерку. При прочих обстоятельствах я бы, наверно, не решилась пойти одна: с незнакомцами чувствую себя скованно. В то же время совсем незнакомцем он не был, ибо мы уже успели пообщаться.

Исирман находился в том же месте и позе, как в первую минуту нашей встречи, то бишь домывал телефонный аппарат.

– Какие-то проблемы? – напрягся мужчина. – Номер не убран?

– Нет, все хорошо. Я просто хотела... ну... поговорить про те случаи, если... ну, вы не заняты.

Заметив мое смущение, он нежно улыбнулся и показал на дверь:

– Иди, ставь чайник, я сейчас приду.

Я кивнула и пошла туда, куда мне указали, при этом распереживавшись внутри: как я могу хозяйничать на чужой собственности?

«Тебя же чайник попросили включить, а не варить борщ!» – возмутился моей тупости голос в голове. Да-да, это не опечатка, есть у меня такой... Но лучше бы не было... И если *это* не является признаком шизофрении, как тогда именовать то, что я частенько проговариваю мысли вслух, вовсе того не замечая?

Маленький электрический чайник стоял на таком же маленьком столе в настолько маленькой комнате, что туда, помимо этого самого стола, вместились только две табуретки, подвесной буфет и танцпол площадью в один квадратный метр. Тем нелепее смотрелась огромная черная кружка с торчащей ложкой, прислоненная к белому электрическому прибору, чтобы случайно не свалилась на пол.

Отметка показывала, что в чайнике полтора литра. Я нажала на кнопку и села. Вскоре появился хозяин мини-гостиницы.

– А как же клиенты? – улыбнулась я робко.

– У меня колокольчик висит над дверью, – по-простецки отмахнулся он и тоже сел на табурет.

Стало реально тесно. Теснее просто некуда. При этом я с превеликим трудом сдерживала позывы рассмеяться: настолько нелепо смотрелся Эдуард Петрович в этой маленькой комнате среди этих маленьких предметов. И без того крупный, в этой обстановке он казался Гулливером. Гигантский мужчина, сидящий на низком хрупком табурете, упирающийся широкими

плечами в невысокие стены и берущийся толстыми лапищами за малюсенький белый полутора-литровый чайник, который только что вскипел. Перед этим Исирман достал чашку из буфета, намного меньше его собственной, для меня и кинул в обе по пакетику чая.

– Халву будешь?

– Нет, спасибо, я пустой пью. – Не хотелось объедать человека. И так обременяю его своим любопытством. То есть пока не обременяю, но вот-вот начну.

– Так какие у тебя вопросы, деточка? Ничего, что я на «ты»?

– Все нормально. Расскажите, пожалуйста, про эти красные шары, или что там люди видят над полем? И где, кстати, это поле?

– Это не совсем поле, это... А ты записывать будешь? Где твой диктофон?

Ах, ну да! Я же типа журналист. Как я могла забыть о таких вещах? Тем более эта запись может потом пригодиться, вдруг я что-нибудь забуду важное. Или хоть Таньке дать послушать.

– У меня в телефоне есть. – Я достала из кармана мобильный и включила в нем необходимую функцию.

– Еще год назад администрация задумала установить в городе открытую концертную площадку, – продолжил владелец гостиницы, – но что-то у них не пошло, то ли финансирования не хватило, то ли еще что-то, в общем, стройку прикрыли. Ограждать территорию не стали, просто унесли все материалы куда-то... А до этого там старые одноэтажные избы стояли, их снесли. В двух еще жили люди, им квартиры дали, ну а остальные пустые, сгоревшие да сгнившие. Только вид города портили. Хотя сейчас лучше не стало: пустая, зарастающая травой площадка и недостроенная сцена. Однако молодежи нравится, и периодически туда парочки бегают. Эх, мне бы их годы... – размышлялся Эдуард Петрович, почесал бородку и отхлебнул из кружки.

– А что огни-то? – попыталась я направить его в нужное мне русло.

– Огни появились полгода назад, зимой. Помню, тогда еще жуткое убийство было на этой стройке...

– Какое убийство? – насторожилась я.

– Алкоголика грохнули. Свои же. Собутельники.

– Да почему же жуткое? – удивилась я, привыкшая к таким мерзостям и жестокостям, что в пору уже самой снимать триллеры всякие. Взять всю мою жизнь и перенести в сценарий, частей на пять хватит. А то и больше. «Сага о Юлии, часть 9-я», круто, да?

– Что круто? – изумился мужик.

– Ой, это я не вам.

– Понимаю, вы в своей Москве привыкли к так называемой «бытовухе», но у нас городок маленький, культурный, все всех знают, не напрямик, конечно, а через знакомых, и убийства здесь – редкий случай.

– А мы не из Москвы. Но и у нас убийства уже никого не удивляют.

– Как не из Москвы? – «сочаёвник», казалось бы, расстроился. Даже кружку отставил. – А что у вас за газета?

– «Областной вестник», – повторила я. – Редакция находится в области.

– А-а... А я думал, слава о нашем городке уже до столицы добралась...

– У вас тут дочерей мэра убили, я думаю, это обязательно должны были отразить в новостях на федеральных каналах.

– Это-то конечно! Я про неопознанные объекты.

– Насколько я знаю, слава об объектах тоже распространилась по всем журналистам-фрилансерам Москвы и области. Но мы хотим составить собственное мнение. Поэтому ответьте, пожалуйста, правда ли, что во время смерти одной из дочерей над стройплощадкой видели огни? И вообще, как часто они появлялись за эти полгода?

– Ой, не знаю... Сперва часто. Ну, когда алкоголика убили... Потом пропали. Затем вновь появились месяца два назад, примерно раз в два дня светились, но быстро исчезли... И вот опять, где-то уж с неделю и почти что каждую ночь теперь.

– А вы что, тоже их исследуете? – я надеюсь, в моей реплике не было сарказма. Не хотелось бы задеть свой единственный на сей момент источник информации. Но очень уж диким казался взрослый, здоровенный мужчина, бегающий на заброшенную стройку каждую ночь высматривать огни и ведущий экспертный дневник с датами и частотой световых волн.

– Не то чтобы специально, – извиняющимся тоном ответили мне, – просто я живу там рядышком, и мне из окна эти шары здорово видно – я шторы не люблю.

– Как? – испуганно воскликнула я. – И на ночь? – У меня дома все знают, что нужно сперва задвинуть гардины, а затем включать свет, иначе я начну орать, что из дома напротив все жильцы успели разглядеть мой мятый халат и бигуди на челке. Я не переживу такого.

– Я высоко живу, подглядывать некому, – захохотал он, видя мое шокированное и смущенное лицо.

Я допила чай, чтобы было время обдумать следующий вопрос.

– А что вы можете поведать об убийстве дочерей? Или самоубийстве?

– Не знаю, я как-то нарочно не интересовался этой темой, – пожал он полными плечами. – Насчет самоубийства, впрочем, ничего не слышал. Вроде бы девушек убили.

– Но почему в разных местах?

– Не знаю... Вам лучше спрашивать семью мэра.

– Да вы что! Нам не позволят сунуться.

– Почему? Вы же представители прессы. Вам обязаны отвечать.

– Это только на официальные запросы. – «И только тем, у кого удостоверение соответствующее есть», – мысленно добавила я.

Блин, вот бы мысленно!.. Ну пожа-алуйста!

Исирман бровями не шевелил и челюсть до подбородка не отваливал. Стало быть, не удивлен. Стало быть, я промолчала.

– Насколько знаю, Ланской обожает общение с представителями СМИ. Так что не надо стесняться. Разве что выждать еще пару деньков, все же меньше недели прошло, это же дети... – Я кивнула, мол, понимаю. Совсем как ведущая ток-шоу. Господи, опять я про Комиссарова, да сколько ж можно-то! «Не твоего поля ягода», – стучали кувалдой по макушке мамины слова. Когда же я перестану о нем мечтать? – Или подойдите к прислуге, – подал идею хозяин, не знавший, что я мысленно переключилась на другую тему. Ввиду этого я, кстати, и не сразу-то поняла, о чем речь. – Обычно этот народ любит выдавать чужие секреты.

– Может быть, – кивнула я с благодарностью.

Итак, что мы имеем. Первое появление огней соответствует первому убийству в этом месте, на поле, где планировалась концертная площадка. Потом огни затухают и возвращаются два месяца назад. Тогда, выходит, никто не умер. Я имею в виду не в городе, а в том районе. Затем они быстро погасли и снова зажглись уже накануне смерти двух дочерей, одна из которых была найдена на той самой площадке, откуда лучше всего наблюдаются огни.

– Более-менее так, – согласился с моими мысленными рассуждениями Исирман.

Проклятье! Опять сказала вслух!

Я хлопнула себя по лбу и попросила назвать точное месторасположение.

– Строительство велось на окраине города, отсюда пятнадцать минут пешком. – Он назвал ориентиры.

– А что вы можете сказать про первое убийство?

– К сожалению, ничего. Только то, что оно было жестокое.

Обалдеть! Ничего не знает об убийстве, однако продолжает утверждать, что оно жестокое. По крайней мере, насильственная смерть молодых девушек в любом случае должна

казаться более жестокой, нежели кончина какого-то алкаша! Да еще и элементарная бытовуха! Что за предвзятость?

Хватит думать! С моей привычкой это делать можно, лишь находясь в закрытом помещении наедине сама с собой!

И все-таки я выразила чуточку недовольства:

– Не думаю насчет жестокого. Просто пили два алкоголика на заброшенной стройплощадке, последний глоток водки не поделили, вот один другого и прибил.

– Не-ет, – как-то странно протянул собеседник. – Там что-то было... сложное. – Но при этом он не помнит что! Занятно. – Слушай, деточка, ты зайди к Прохору, вот он все знает про то убийство. Он же подозреваемым проходил по делу. Они пили вместе в тот момент, когда это случилось.

– Эдуард Петрович, и вы молчали? – пристыдила я дядю. – Как его найти?

– Я его по-соседски знаю, он жил раньше в тех домах, что снесли под сцену. Ему дали квартиру в новостройке, по-моему, той, что на Новосадовой улице. Или... Да, точно.

– А квартира? – тут же приняла я стойку. Дело сдвинулось с мертвой точки, авось сегодня появится новый разговорчивый информатор.

– Да почему я знаю? – резко опустили меня на землю. Так резко, что ботинки задымились.

– Как же я его найду?! – в ужасе схватилась я за волосы с мыслями начать их вырывать.

– Деточка, погоди стонать-то! Нашла из-за чего. Придешь к дому и спросишь у старушек на лавочке, в какой квартире Прохор Семашко проживает. Его там знают все. Я, что ли, тебя учить должен, как информацию добывать? Кто у нас репортер-то?

Упрек был заслуженный, но не менее (а то и более) от этого обидный. Я опустила глаза, по-идиотски заулыбалась, мол, дура я, дура, и откланялась.

На втором этаже постучалась к Грачевой. Та меня впустила, на ходу озвучивая просьбу помочь ей с распределением багажа.

– Я только что разобрала свой собственный! – застонала я.

– Ну Образец, будь другом, а?

Я включила в телефоне запись разговора, и, пока мы развешивали одежду и расставляли всякие предметы, прослушали ее всю.

– Что скажешь?

– Я скажу, что сегодня ночью мы отправляемся на охоту за светящимися шарами! – после пафосной реплики Танюха достала цифровую камеру и помахала ей перед моим носом. – Здесь есть зум! Так что все будет чики-пики! Кстати, молодец, что выпросила координаты места. И ведь сумела притвориться, что тебе нужны иные сведения, а это так... ерунда. Пришлось к теме.

Я долго не могла разомкнуть уста, до того была изумлена намеками на мою лживость вкупе с отличными актерскими способностями.

– Да нет же! Я ничего лишнего не выпрашивала, только все, что относилось к нашему делу.

– Правда? – удивилась в свой черед Грачева. – То есть ты в самом деле решила, что наше задание по фиксированию неопознанных летающих объектов имеет отношение к убийству шестимесячной давности? Бред.

– Бред? – возмутилась я. – Ты что, не слышала запись? – Я упрямо взялась за оставленный на трюмо телефон и включила заново.

– Ой, блин... – Танька выхватила мобильный и запаузила. – Я слышала! Но что ты предлагаешь? Заняться расследованием двух убийств? Мне за это деньги не платят.

– А за огни платят? – усмехнулась я, мол, что за дурацкий аргумент, однако вмиг изменившееся лицо приятельницы направило мои мысли в другую, диаметрально противополож-

ную сторону. Она прикусила край губы и начала судорожно водить зрачками то вправо, то влево. – Что, платят?!

– Ну... Фрилансерам же платят? А мы чем хуже?

– Мы?! – чуть не задохнулась я.

– Ой, ну ты думаешь, я б с тобой не поделилась? Просто я не знала, сколько дадут... А так я разделю напополам, правда-правда! Ты что, не веришь?

Учитывая, что контрольные по алгебре эта девица неизменно списывала у меня, а калькулятором пользоваться до сих пор не научилась, как я могла не верить в то, что она сможет ловко поделить сумму на два? Тем более имея такую сильную мотивацию – стать от этого чуть-чуть беднее. Все ведь об этом мечтают!

– Конечно, верю, – саркастически ухмыляясь, резюмировала я собственные выводы и, взяв сотовый, покинула ее временные апартаменты.

Глава 2

Через час Грачева появилась на пороге моего люкса с мордой побитой собаки. Она начала умело извиняться, дескать, знает, какая я вся из себя правильная, некорыстная и презирующая все материальное, поэтому побоялась меня обидеть, предложив заработную плату за этот репортаж. А сама она не такая, она считает, что ее время должно быть оплачено, пускай даже собственным дядей, который вообще-то ее труды вложит в свое издание и получит за это прибыль, и посему она согласилась приехать сюда, заранее оговорив сумму. Мне эта сумма по-прежнему не сообщалась, но, так или иначе, мне было приятно слышать оду в честь своей нравственной чистоты, потому я согласилась помогать Грачевой зарабатывать. И, очевидно, безвозмездно.

В качестве последнего примирительного подарка Татьяна сообщила, что мы будем следовать именно моему плану, то есть попытаемся связать известные нам убийства с огнями.

– Сперва к алкашу с Новосадовой? – спросила она.

– Ага. Идем.

Прохожих на улице было не так много, но и те, что встречались, оказались весьма дружелюбными и без лишних ужимок поведали, как отыскать новостройку на необходимой нам улице. Повезло, что народ здесь не из пугливых, а ведь мою неординарную знакомую, обожающую эпатировать публику нетривиальными сочетаниями в одежде, везде принимают по-разному. Вот и сегодня я диву давалась, зачем к розовым джинсам надевать зеленый в белый горох свитер, если самолично в процессе развешивания ее багажа видела как минимум пять подходящих верхов к этому низу. И уж точно несколько низов, сочетающихся с этим верхом. Нет, что ни говори, она это делает специально.

Дом на Новосадовой выделялся из прочих зданий почти так же, как и Грачева выделяется среди прочих людей. Сплошь низкорослые серые и красные кирпичные домишки советского типа казались унылыми и депрессивными на фоне новоявленного соседа – рослого, этажей в шестнадцать, многоподъездного и празднично-бежевого с коричневыми вкраплениями. Оказалось, что из всего дома был заселен только первый подъезд, да и то не весь. В правом краю здания еще шли отделочные работы. В связи с этим только возле самого первого подъезда сидели старушки. К ним мы и обратились.

– Семашко?.. А, Прохор! Знаем-знаем, здесь и живет, на первом этаже, сначала прямо, затем направо... А чего это вы к нему? – Пожилые женщины нацелили в нас такой пронизательный взгляд, будто пытались сквозь тюль доброжелательности и порядочности высмотреть мутное, бессовестное, склонное к дебошам и девиантному поведению окно.

– Мы не пьем! – не знаю зачем выпалила я громко (просто до ужаса боюсь, как бы общество не думало обо мне плохо), а Танюха пихнула меня в бок и направилась к двери.

Звонок не работал, пришлось стучать. Открыл нам высокий темноволосый парень с опухшим лицом и потрескавшимися губами.

– Вы Семашко? – резко осведомилась подруга.

– Да, я. Вы кто?

– Мы из газеты «Областной вестник». Можно пройти? – Несмотря на грубоватый тон, Прохор тут же послушно прижался к стенке. Так мы оказались сперва в коридоре (в котором, кстати сказать, были только пустые стены), затем на кухне (здесь хотя бы существовали плита, холодильник и некоторые предметы мебели).

– Я не так давно переехал, денег на ремонт пока нет, – извинился за неприглядность своего жилища владелец квартиры. Затем радостно добавил: – Но в комнате уже есть обои и телевизор!

– Рада за вас, – Грачева присела на одинокий табурет. Мы с Прохором вынуждены были оставаться вертикальными. Кто не успел, как говорится... – Расскажите нам об убийстве.

Как вы видите, Татьяна взяла на себя главенствующую роль. Может, пыталась отыграться за Эдуарда Петровича, к которому я спускалась без нее? Так или иначе, меня положение вещей устраивало: Грачева получит заплату, вот и пусть отрабатывает.

– Что? О каком?

– Полгода назад. По которому вы проходили подозреваемым.

– Подождите... – парень совсем стусевался. – Так вы не по вопросу переезда?

– А что с переездом?

– Так они даже не спрашивали, хорошо или плохо нам живется в собственном одноэтажном доме! Взяли и вышвырнули сюда, в голые стены, а дом, где прошло все мое детство, снесли! Я думал, вы по этому поводу...

– Нет, мы по другому. Так что произошло тогда? Шесть месяцев назад?

– Я не понимаю, для чего это ворошить. – Тон Прохора подстроился под Танькин. Более того, он скрестил руки на груди – закрылся. А Грачева еще рвалась стать внештатником! Сначала бы надо выучиться вести себя с людьми. Сделать так, чтобы они тебе доверяли и сами хотели рассказать все, что тебя интересует. – К тому же настоящий убийца уже пойман и отбывает срок.

Здесь вступила я.

– Прохор, понимаете, мы одни из тех, кто хочет выяснить правду о летающих красных объектах. И только вы сможете помочь. – Я осторожно улыбнулась.

– О тех огонечках, что ли?

Танька ехидно пропела:

– Об огонечках, огонечках... – Словно обвиняла его в чем-то. Мол, знаем-знаем, это вы виновны во всех терактах, произошедших на Земном шаре за минувшие сто лет.

Семашко, почуяв сарказм, глянул в ее сторону недоброжелательно, а я, по возможности незаметно для него, рубанула воздух рукой, дескать, не лезь больше, ты свой шанс упустила. А вслух сказала:

– Да, и нам бы очень помогло для расследования, расскажи вы нам ту давнюю историю.

– Я не понимаю, какая связь.

– Ну как же? Первое появление огней случилось в тот день, когда произошло убийство.

Брюнет задумался. Почесал затылок. Посмотрел в лишенное штор, жалюзи и тюля окно.

Перевел взгляд на стол.

– Да нет. Огней этих еще не было.

– Как не было?! – удивилась я. Хозяин гостиницы сказал, это произошло одновременно.

Кто-то из них путает. – Когда произошло убийство?

Парень с каким-то потаенным весельем оглядел меня всю, с головы до ног, и заявил:

– Так как вам позарез нужна от меня информация, я требую за нее награду.

Я на миг растерялась, и спутница этим мигом тут же воспользовалась:

– Ага, щас! На бутылку тебе давать? Нашел дурочек. Пошли, Юлька! – Однако со стула подняться не потрудилась.

– Зачем на бутылку? Я уже полгода в завязке!

– А че опухший такой?

– Таня!

Прохор все же удовлетворил любопытство невоспитанных гостей:

– Болею я. Пил много чая с малиной, температуру сбить. Припухлость – от воды!

– Все равно не дадим денег!

– Да не нужны мне деньги! – возмутился хозяин.

– А что же? – спросили мы уже хором.

Ответ меня ошеломил:

– Свидание с вами.

Я повторно растерялась, и на сей раз надолго, так как Семашко смотрел именно на меня, говоря эти слова, а Татьяна сызнова влезла:

– С нами?

– Да нет же! С ней, – ткнули в меня пальцем, чтобы даже до недалеких дошло.

Недалекая таки поняла и вроде бы обиделась. Повернулась ко мне:

– Юлька, не советую. Стремный он какой-то. Не ходи.

– Я вообще-то здесь! – уже конкретно обозлился Прохор. – И слезьте с моей табуретки!

– Ой, да пожалуйста!

Когда удобное место освободилось, законный жилец присел и, посмотрев на меня, про-изнес:

– Всего лишь прогулка по городу. Я как раз расскажу все, что вас интересует. Обещаю, ничего не утаю!

Только сейчас я вышла из шока. Решение требовало обдумывания. Я начала оглядывать стены и потолок, размышляя: «Танька его раздражает, при ней он ничего говорить не станет – это раз... Ровные серые стены наводят тоску, здесь бы хорошо смотрелись голубые или зеленые обои... Экскурсия по городу, в котором я провожу расследование, отнюдь не помешала бы – это два... Люстра в форме цветочка сюда ну никак не вписывается. Видимо, осталась от прошлого дома. Наверно, из комнаты матери или сестры... Кстати, есть ли они? Вот и спрошу. Узнать побольше о возможном участнике загадочных махинаций с огнями (в случае, если это не настоящее НЛО) полезно для расследования – это три».

Наверно, кого-то удивляет мое поведение, но я совершенно не приспособлена принимать любое маломальское решение сиюсекундно. Мой мозг требует серьезного осмысления абсолютно всего, вплоть до выбора заколки, которой я соберу сегодня волосы в хвост. Да и вообще, ненавижу выбирать. А принятие решения – это всегда выбор, хотя бы пресловутое «да» – «нет», а то и посложнее и многообразнее варианты бывают.

Боюсь сверяться с часами, чтобы сориентироваться, сколько времени прошло. По всей видимости, немало, так как Грачева, не дождавшись от меня ответа, уже потопала в прихожую, а Прохор стал подгонять новым вопросом:

– Ну так что?

– Да.

– Отлично.

Семашко подскочил и проводил меня до двери. И почему эти две буквы так тяжело даются? Почему две буквы – это результат многословного и напряженного внутреннего монолога? Или это только у меня так?

Уже в дверях брюнет сказал:

– Завтра, надеюсь, я буду лучше себя чувствовать. На всякий случай дай мне свой телефон, чтобы я мог отменить, если совсем разболеюсь. И кстати, как зовут прекрасную журналистку? – Я назвалась и продиктовала номер. – Юлия? Какое красивое имя. До завтра!

– До завтра, – кивнула я, и мы вышли на улицу.

– Столько времени псу под хвост, – изрекла недовольная Грачева, посмотрев на циферблат. – Ну что, пойдём к дому Ланских? Авось выловим кого-нибудь из прислуги.

– Знаешь, я устала сегодня от общения. Давай перенесем. Лучше пораньше ляжем спать.

– Спать?! Время только семь. К тому же нам еще на стройку идти.

– Ну вот, поужинаем и ляжем спать. А посреди ночи встанем и пойдём на стройку.

– М-да, жрать охота дико...

Мы перекусили в кафе, а когда вернулись в гостиницу, обнаружилось, что дядя дал Таньке разряженную фотокамеру. Мы достали ее, чтобы проверить, как она работает, для того

чтобы быстро сориентироваться на случай появления огней, все-таки устройство было современным и сверхнавороченным, вот тут при помощи мигающей красной лампочки и выяснилось, что ничего мы снять сегодня не сумеем.

– Тебе дали зарядное устройство?

– Да. Но заряжаться будет часов пятнадцать-семнадцать.

– Что же ты дома не проверила? – удивилась я, потому что сама бы поступила именно так.

– Мне было некогда! Я изучала сайт города.

После этих слов ругать Таньку расхотелось. Все-таки она и вправду поработала. Ничего страшного не произошло, пойдём на охоту завтра.

В номере я приняла душ, попила чай и стала готовиться ко сну. День был насыщенный, информативный, поэтому я физически ощущала, как меня покидают последние силы. Выключив свет, я обратила внимание на непонравившееся мне с самого первого взгляда зеркало, но было лень что-то с ним делать, в итоге я просто переделась в пижаму и залезла под одеяло.

Сон отчего-то не шел. Я ворочалась с каким-то нарастающим беспокойством, неясно откуда прилетевшим и с какой целью опоясавшим мой разум, наконец решила просто расслабиться. Вот взять и вытянуть конечности, лечь на спину и реально расслабиться. И освободить мозг. И глубоко-глубоко дышать.

Поступив согласно собственному плану, я начала и впрямь ощущать некое блаженство, сиюминутно готовящееся перейти в состояние дремы, как вдруг некий загадочный шум острой иглой впился в мои уши, пронзив их до самого мозга – того мозга, который мне только что с таким невероятным трудом удалось освободить. Поняв, что дрему я безвозвратно потеряла – она наверняка на меня обиделась и уже никогда не вернется, – я стала вслушиваться.

Когда отключают антенну, подобные шипящие звуки слышатся по телевизору, их еще называют «белым шумом». Но, к сожалению, в моем номере он не был даже воткнут в розетку, что явно исключало его причастность к нарушению тишины.

«Может, это у Таньки?» – трусливо попробовала я себя успокоить и повернулась на бок.

Через тридцать секунд пристального вслушивания я могла поклясться, что нет такого изобретения на нашей планете, которое могло бы распространять сей звук. Он был иррациональным. Нетехническим. И нечеловеческим.

Незамысловатое «ш-ш» сменилось в дальнейшем на «ши-и...», пауза, «ша-а...». Это было таким потусторонним, словно... Я даже не знаю... Словно загробный дух пытался со мной контактировать.

Я осознавала, что нужно подняться и походить по комнате, чтобы установить истинный источник (либо удостовериться, что он отсутствует в этом помещении и исходит, допустим, с улицы), но страх настолько управлял моим телом, что не позволял шевелиться. А может, я просто надеялась, что, пока я нахожусь под одеялом, я незрима для этой сущности?

Так, я схожу с ума... Я вообще сходила с него давно, уже несколько лет, и вот сегодня, очевидно, сошла окончательно. На платформу. А мозг помахал мне ручкой, закрыл двери и уехал вдалеке.

Итак, надо открыть глаза. Тогда я удостоверюсь, что здесь ничего страшного нет, и меня отпустит.

Ну же!

Я очень боялась их открыть. Вдруг надо мной будет что-то... ужасное?

Спокойно... Вдох-выдох... Считай до десяти.

Досчитав, открыла. Но ничего не увидела, кроме тьмы. Так, спокойно. Ждем, когда глаза привыкнут к темноте и начнут различать какие-нибудь очертания.

Дождавшись, я поняла, что сделала это зря, ибо первым, что удалось разглядеть в темноте, был мутный блеск гладкого зеркала, висевшего напротив. Мне показалось, что какая-то тень промелькнула перед ним (а может, в нем?), я заорала и на ощупь схватила трубку теле-

фона, находящегося на тумбе близ постели. Набрав опять же на ощупь трясущимися пальцами Танькин номер, принялась молиться, чтобы она поскорее взяла трубку.

– Да?

– Тань! Иди ко мне! Быстро!

– Образец? Это ты кричала?

– Да!!

Только когда в номер постучали, я нашла в себе силы вскочить, опрометью броситься к двери, по пути споткнувшись об опустевший и лежавший на полу чемодан, и впустить Грачеву внутрь. Полоска коридорного света, проникшая в люкс вместе с гостьей, порадовала даже больше, чем та, кого я собственно звала, и я заулыбалась.

– Выглядишь неважно, – резюмировала Татьяна, изучив мой внешний вид. – Так орала чего? И дверь закрой.

– Нет! – опять напрягла я связки. – Со светом лучше! А если дверь закрыть, он пропадет.

Грачева подошла к стене и хлопнула ладонью по выключателю.

– Вот тебе и свет! Совсем с катушек съехала, да?

Удовлетворившись появившимся освещением, я закрыла-таки дверь. Затем рассказала Таньке про таинственные шорохи и загадочное зеркало. К слову, первые прекратились, как только Грачева возникла на пороге. Хотя нет... Еще раньше. После того как я ей позвонила, их уже точно не было.

Мы осмотрели все углы. Все было как надо, ничего выдающегося. И ничего, выдающего себя за призрак. Короче, ничего.

– Это зеркало надо убрать отсюда! – пожаловалась я приятельнице. – Оно меня с ума сведет!

– Уже. Теперь бояться нечего.

– Знаешь что? Снимать свои огни пойдешь завтра одна!

– Ну ладно, не злись! Давай завесим его чем-нибудь, и все.

Я обрадовалась, так как сама при заселении подумала об этом, и теперь мы вдвоем взяли тонкое покрывало с кровати и закрепили на бронзовых завитушках рамы.

Я села на разобранную постель и прислонила ладонь к подбородку, как делала в минуты глубокой задумчивости.

– Давай, что ли, номерами махнемся, а?

– Нет, Образец, как представляю, что опять шмотки собирать-разбирать-развешивать... Плюс у меня тоже большое зеркало на стене. Хоть и висит не напротив кровати.

– Кто это придумал? Зачем? Зеркала должны прятаться внутри дверцы гардероба, как у меня дома, например.

– Юлён, мебель, стоящая у тебя дома, – пережиток советских времен. Сейчас никто такой радостью не пользуется. Привыкай. – Мы еще немного помолчали, я – сидя на кровати, Таня – стоя возле меня. – Все, монстра мы победили, так что пошла я досматривать сон. Кстати, такой был приятный... Я попала в высший свет, к знаменитостям. Сама была звездой. У меня автографы брали... Эх! – Междометие можно перевести как «А ты все испортила!».

– А тебе обязательно уходить? – встрепнулась я, стоило ей сделать шаг к выходу.

– Не поняла? – почему-то испугалась Рыжая.

– Посиди со мной! Я одна боюсь.

– Вот еще! Время – только полночь. Я еще столько прекрасных снов погляжу! – С этими словами предатель меня покинул.

– Ну ладно, – сообщила я стене, выключила свет и легла спать. Неожиданно быстро уснула и ни разу за всю ночь не проснулась.

Утром Танька позвонила дяде, и он выяснил адрес Ланских, однако, долго не мог понять, зачем оно нам надо. Мы, в принципе, тоже пока не особо понимали.

Домик выглядел роскошно. Вот тебе и мэр маленького городка. Он находился в деревне Ров Гогольского района, куда мы попали посредством городского автобуса. Рейсы были редкими, так что нам невероятно повезло, что не пришлось долго ждать.

Коттедж стоял на окраине, это говорило в пользу того, что Ланские сей участок приобрели не так давно, во всяком случае он не передавался из поколения в поколение в их семье. В центре фасадной части здания до уровня второго этажа шли белые колонны, которые вверху сливались в длинный балкон. Следующие этажи поражали архитектурной задумкой. Все это трехэтажное великолепие, выполненное коричневым кирпичом, легко просматривалось с улицы, так как забор большей частью был кованым, только через каждые три метра встречались столбы из кирпичной кладки. Видимо, этим мэром хотел сказать «Я весь на виду!».

Мы долго присматривались, стоя посреди автомобильной дороги, пару раз нам даже сигналили машины, но мы с места так и не сдвинулись (они нас объехали, так что не переживайте, все в порядке). Затем я предложила:

– Если мы хотим выловить прислугу, то лучше найти черный ход. Думается, через центральный гуляет только семья.

– Твоя правда, – кивнула Танька, и мы начали делать неспешный обход.

Действительно, с восточной стороны обнаружилась калитка. Что и говорить, теперь мы замерли напротив нее.

К сожалению, моей подруги Катьки, способной ворваться к кому угодно и под любым предлогом, среди нас сегодня не было. И если бы не удача, уже не единожды поразовавшая нас своим ярким, запоминающимся присутствием, не знаю, как бы мы действовали. Но вот боковая дверь здания распахнулась, и в сторону улицы направилась невысокая скукоженная женщина с короткими черными волосами в бесформенных одеждах. Честно говоря, я в ту минуту даже не ручалась за то, что верно распознала пол человека, тем более если учитывать очень смуглый цвет лица и отсутствие макияжа. Но когда она вышла к нам из калитки, тогда я уже поняла, что это именно «она».

– Ой, вы кто? – удивилась тетя лет сорока пяти, узрев двух девушек, практически присосавшихся к кованому забору. Кстати, голос у нее тоже был какой-то «унисекс». Странно, я почему-то не думала, что мэром может нанять кого-то похожего на нее. Или она у них не работает?

– Мы журналистки из газеты «Областной вестник», – по обычаю, начала Танька. – А вы кем приходитесь семье Ланских?

– Я горничная. Убираюсь у них. А что такое?.. А, вы по поводу девочек, наверно, да? – Искренняя скорбь пролегла по диагонали через смуглое лицо. Видимо, женщине их не хватает.

– Да. Расскажите нам все, что знаете! Если вас не уволят за это! – зачем-то присовокупила Грачева.

При слове «увольнение» лицо горничной уже не казалось таким смуглым. Или она побелела от испуга?

– Но я-то ничего не знаю... И вообще, извините, я опаздываю. – Женщина зашагала вдоль забора в сторону шоссе.

– Ой, а куда?

– Тань! – не выдержала я.

– Ну а че? Может, нам по пути? Вот и поведаете по дороге свою историю.

– Девушки, мне нечего рассказывать! И мне надо забрать костюм из химчистки. Срочно.

Мы подошли уже к центральным воротам коттеджа и держали путь, по всей видимости, к остановке.

– Но автобус же долго ждать!

– А я пешком хожу.

– Как? – удивились мы.

– А что тут идти-то? До города – два километра. Да и город весь пешком пройти можно. Женщина действительно шагала очень быстро и почти не сбивалась с ритма. Танька уже начала отставать, а я лишь благодарил судьбу и собственную выдержку за то, что делаю каждый день зарядку и дважды в неделю пробежки вокруг дома. Иначе бы тоже отстала.

– Давайте поговорим по дороге, – предложила я вежливо и чуть заискивающе, ибо отряд уже потерял одного бойца. – Таким образом, я не отниму у вас время, наоборот, так веселее идти. И не думайте, мы не собираемся выведывать семейные тайны, у нас совсем другой вопрос. Про огни.

– Что? Какие огни?

Несколько секунд назад я заметила движущийся нам навстречу черный блестящий автомобиль представительского класса, и в тот момент, когда я открыла рот, чтобы пояснить, что имела в виду, машина остановилась. Прямо подле нас. Стекло водителя опустилось.

– Александр Викторович, добрый день! – Лицо спутницы преобразилось. Губы растянулись в глупой елейной улыбочке, но не заискивающей, которая наблюдалась только что у меня, а какой-то... безумно любящей, что ли. И в тот момент я поняла: из этой женщины без воли хозяина мы ничего, увы, не вытянем.

– Добрый, Тина Вениаминовна. Вы за костюмом? – приветливо, с толикой нежности сказал мужчина весьма приятной наружности. В каштановых волосах проскальзывали нити благородной седины. Лицо было правильным, аристократическим, овальной формы, с тонким прямым носом. Жаль, мне всего двадцать один. Была бы лет на десять или пятнадцать старше – непременно бы влюбилась.

– Да, пытаюсь... Вот девушки из газеты хотят со мной поговорить, а что я знаю-то? И не ведаю ничего...

Вот те раз! Я в стыдливом ужасе раскрыла рот. Догнавшая нас в тот момент Танька тоже. Вот никак не хотелось мне, чтобы этот потрясающий мужчина, самый главный человек города, узнал, как мы собирались вытягивать любую информацию о его умерших дочерях за его спиной у его прислуги, в то время как этих дочерей еще даже не похоронили. Да и притом нагло не даем человеку выполнять должностные обязанности, вот о чем говорило слово «пытаюсь».

С христианским смирением я готовилась к тому, что нас сейчас же выдворят из города при содействии рыцарей-стражников, но здесь произошло неожиданное:

– Журналисты? – словно не обидевшись и не разозлившись, уточнил Александр Викторович. Мы безропотно кивнули. – Садитесь, – показал он на заднее сиденье. – Я никогда не пренебрегаю общением с представителями четвертой ветви власти.

Тетя слабо охнула и посмотрела на нас с уважением и капелькой раскаяния. «Так тебе!» – мстительно подумала я и загрузилась в машину. Грачева села рядом, и мы тронулись, хотя до дома было ехать пару метров.

– А почему без водителя? – как всегда ни на секунду не задумавшись, выпалила Рыжая свою очередную мысль. Нам бы следовало радоваться, что в такое время мэр в принципе согласен и способен морально с нами разговаривать, и сидеть тихо, пока не окажемся в более благоприятной для беседы обстановке.

– Я люблю сам водить, хотя шофера в штате имею. Иногда водит он, чаще – я сам. – И тут я поняла, что Грачева-то права. Отцу умерших девочек необходимо как-то отвлечься от своего горя, чтобы не сойти с ума. Он и водит машину сейчас сам, наверно, именно по этой причине, просто нам постеснялся сказать правду.

Не выходя из машины, мэр нажал кнопку на каком-то пульте, и ворота открылись. Мы въехали на территорию.

Уже в доме нас встретила маленькая радостная собачка (в породах не разбираюсь) и миссис Ланская. Лицо жены мэра было, на мой взгляд, грубоватым, хотя она казалась моложе своего мужа. Но, в принципе, длинные светлые волосы как-то сглаживали резкие черты. Наверно, она это понимала, потому что их не закалывала и к сорока – сорока пяти годам так и не обзавелась стрижкой.

Супруги при встрече обменялись сухими приветственными поцелуями. Сразу за тем женщина вопросительно уставилась на нас, но мэр еще не успел ничего сказать, как у него зазвонил телефон. Я мысленно посочувствовала (мало того что ему приходится работать даже из дома – вот сколько дел у главы города, так еще и в такое тяжелое для семьи время), однако это оказался следователь, ведущий дело об убийстве дочери.

– Ева, пообщайся пока с журналистами, мне нужно переговорить со следком, – не отвечая пока не звонок, сообщил Александр Викторович. – Я буду в кабинете. – И ушел. Мелодия звонка тут же стихла.

Ланская ничуть не удивилась, точно газетчики так и сыпались на них всякий раз, когда случалось что-то трагическое и непоправимое. Кстати, никто из родителей не плакал – во всяком случае сейчас. Однако ничего похожего на улыбку также ни разу не проскользнуло на их скорбных лицах. По моим подсчетам, их дети умерли всего неделю назад, так что смеяться здесь начнут еще нескоро.

Женщина проводила нас в гостиную, огромную, в дальнем углу которой даже примостился настоящий рояль, сама налила нам чаю, чинно села напротив и сообщила свою готовность отвечать на вопросы. К сожалению, на сей раз не только я впала в ступор – Танька тоже не могла поверить, что мы – желанные гости в доме мэра города. Мы, ненастоящие журналисты, можем сейчас спрашивать эту семью о чем угодно, без предварительной записи у секретаря и предъявления документов. Как-то не ожидали мы такого приема. Либо от горя у Ланских временно пропала адекватная настороженность, либо мэр действительно очень любит представителей прессы, а ей, как супруге, приходится с этим считаться.

– Про... – я откашлялась, потому что голос отчего-то сел. Отпила глоток. – Простите, что тревожим вас в такую минуту... – Ева (не знаю отчества) согласно кивнула. Мол, да, такое время для меня, но я все еще готова отвечать. – Мы расследуем аномальные явления в городе, и есть такая информация, что одну из ваших дочерей нашли на заброшенной стройке, как раз когда на небе сияли загадочные красные огни. Вы что-нибудь знаете про это? Это как-то может быть связано?

Еще когда я заикнулась про «аномальность», лицо жены мэра преобразилось. Было понятно, что она тут же навесила на наше издание ярлык «желтого» и опечалилась, что приходится тратить время и душевные силы на это. Но тем не менее пожелание мужа она выполнила, заговорив:

– Это никак не может быть связано, Сашу убил человек, это очевидно. Она была... – мать, потерявшая ребенка, вернее, сразу двух, сглотнула, – ...задушена. Как вы понимаете, мифические огоньки не могут иметь к этому отношения. Это сделал... зверь.

– У следствия нет подозреваемых? – почему-то я все время переключалась с основной своей задачи к этим убийствам.

– Саша надавил на следователя, ведущего дело, и его начальство, так что убийцу найдут очень быстро. Я уверена в этом.

– Вы думаете, это был случайный человек? Или знакомый? – Потому что про подозреваемого она ничего не ответила.

– Не знаю, не могу даже предположить. Саша говорит, по статистике, восемьдесят процентов жертв знали своих убийц, но мои девочки были такими... добрыми. – Подбородок дрогнул, но женщина сдержалась. – Я не могу даже представить, чтобы кто-то специально хотел...

Видимо, ограбление. Саша любила дорого одеваться и покупала эти всякие... телефоны, плееры, как это у вас, у молодежи...

– Гаджеты, – подсказала Танька.

– Да, она постоянно их меняла, покупала дорогушие, потом они ей надоедали, она отдавала Дашеньке и покупала новые.

«Дарья – это младшая», – вспомнила я из статьи.

– Ой, Александра Александровна, – хмыкнула Грачева. – Я только ща поняла! – Я ткнула Рыжую в бок, глазами передавая возмущение. – Ой, простите, я имела в виду «сейчас». У Юльки проблема, – поделилась она наболевшим с женщиной, потерявшей детей, – очень любит грамотную речь.

– Таня у нас отвечает за сбор информации, – пояснила я Еве, видя ее удивленный взгляд, – а я за текст. Вы простите ее, она не всегда вежлива.

– Это ничего, – потеплела хозяйка. – Все изумляются, когда слышат имя. Это Саша придумал, как назвать дочерей. Когда родилась старшая, ему хотелось, чтобы она была Александрой Александровной. Она и стала его любимицей впоследствии. Вербки вила из отца. То это купи, то то купи... Даша-то скромная, хозяйственная. Не скажу, что с компьютером на «вы», сейчас у молодых это в крови, но, скажем, не так сильно этим увлекалась. Она больше любила готовить, руками что-то делать... – Ланская вдруг сжала ладонью рот и выбежала из гостиной.

– Таня, вот что ты за человек? – ополчилась я на «коллегу», вина ее одну в том, что мы расстроили мать.

– Спокуха, Образец! Ща заплакается и опять придет. Мы же не все еще у нее спросили. Надо бы про огни побольше разузнать. Сегодня ведь снимать пойдем.

Это уму непостижимо! Я подразумеваю, как не стыдно, что довела человека до слез, а она думает, будто я пекусь о сорванной операции! Если она не сможет сегодня больше говорить, можно прийти в другой день, и репортаж от этого не пострадает. А вот то, что она будет плакать весь остаток дня – этого я уже нам не смогу простить. Нельзя никакое дело ставить превыше этики.

Но Ева, оказывается, ходила в комнату одной из дочерей, потому что вскоре вернулась и принесла с собой несколько работ, вышитых крестиком, и маленькую глиняную вазу с искусственным цветком из бумаги.

– Вот что моя рукодельница могла! Сама!

– И вазу?! – изумились мы.

– Да! Ходила на специальные курсы по обжигу глины. И ведь никто не заставлял. Конечно, в нашей семье не принято бездельничать, но девочки ведь учились пока, поэтому от них требовались только хорошие отметки. Остальное – чистая инициатива. Еще чаю?

Вышедший из кабинета Александр Викторович, заметив стол, заваленный вышивками и поделками, изобразил на лице строгость:

– Ева, зачем?..

Она поджала губы и опустила глаза. А у супруга вновь зазвонил телефон, но общение с незримым собеседником не оправдало надежд, потому что первые секунды мэр недовольно морщился, затем сорвался:

– На каком еще совещании, когда мэр звонит?! – Глянул на нас и немного остыл. Уже другим тоном сказал: – Ладно, пусть позвонит, как освободится.

– Плохие новости? – снова влезла Танька.

Ланской испустил тяжкий вздох и, покосившись на жену, позвал нас к себе в кабинет. Тихими мышками мы проскользнули вслед за ним за красивую деревянную дверь и уселись на предложенные стулья.

– Я так понимаю, что, вместо того чтобы отвечать на ваши вопросы, она стала рассказывать о Дарье?

Я решила заступиться за несчастную:

– Нет-нет, просто разговор зашел...

– Ну да, знаю я... У нее все разговоры туда заходят... У меня появились лишние десять минут, так что спрашивайте, что вас интересует.

Мы переглянулись: неужели правда? Видимо, стоит благодарить человека, не вовремя ушедшего на какое-то внеплановое совещание. Пользуясь случаем, Танька радостно выпалила:

– А что вы думаете о красных огнях?

– О чем? – удивился глава города.

– Огни, которые появляются ночью над городом... Все об этом только и говорят. Вы же мэр, как вы этого не слышали?

Я уже не стала бить ее в бок, только безысходно подняла глаза к потолку, покачав головой.

– Ах, про это... Да, слышал. Но откуда я могу знать, что это? Может, игрушка какая, а может, и НЛО. Мне, знаете, как-то не до этого, куча других проблем. Да и что я могу? Обратиться в полицию, попросить подежурить на окраине города? Это ничего не даст. Что они могут сделать, пострелять в огоньки? Глупость. Я считаю, пока это вреда не наносит, нечего и внимание обращать.

– Как не наносит? – влезла я. – Ваша дочь была найдена в месте, откуда обычно молодежь наблюдает за огнями. И первое их появление связано со смертью. Помните, когда полгода назад алкоголика убили? На той самой заброшенной стройке?

– Припоминаю что-то такое... Но я не понимаю, если честно, как это может быть связано.

Ой, да мы и сами не понимаем... Может, связи и вовсе никакой нет? И мы понапрасну тратим время? И нервы этих людей?

– Пойдем, Юль, – шепнула мне Грачева.

Я кивнула, но вместо того чтобы подняться, задала еще вопрос:

– Скажите, пожалуйста, а где была найдена Даша?

– Дарью нашли в подвале. Она умерла от удара током.

– Ого. Что она там делала?

Александр Викторович пожал плечами.

– У девчонок подвал был чем-то вроде склада ненужных вещей. Или нужных, но тех, что не вместились в их комнаты. Они запрещали нам спускаться туда и даже горничную просили там не убирать. Замки все поменяли. Сначала нас это тревожило, затем махнули рукой – девичьи секреты. Что в них страшного? А в то утро... Нас с Евой не было в городе, а Тина Вениаминовна пришла утром, чтобы убраться и приготовить что-нибудь поесть: она иногда у нас еще кухаркой трудится, чтобы Еву разгрузить, по договоренности. Так как мы уезжали, мы и просили ее готовить эти дни. Вот, она пришла и ни одну из девочек не застала. Когда позвонила им на мобильный, услышала музыку из подвала. Спустилась, и...

– У нее был ключ?

– Дверь была открыта. И вот...

– А время смерти? – Я и сама пока не знала, зачем мне эта информация.

– Судебные медики сообщили, что Дарья умерла ночью около часа.

– Неисправная проводка?

Мужчина почему-то нахмурился.

– По всей видимости, это был несчастный случай, – кивнул он вроде бы сам себе. – И уже явно не относится к огням на поле.

Это надо понимать как: «Не вашего ума дело».

– Согласна. А про смерть Александры что можете сказать?

Безутешный отец побелел, лицо в районе челюсти заострилось, как будто он собирался впиться кому-нибудь в глотку. Но злость была абстрактной, потому что, когда он направил

взгляд на меня, в нем ничего агрессивного не читалось. Слава богу, я уж успела испугаться, право...

– Сашеньку задушили. Напали сзади и задушили ее же шарфом. Впрочем, это предположение, потому что шарф так и не нашли. Просто она постоянно что-нибудь носила. Она была такой... стильной, как сейчас говорят. У нее на шее шрамик небольшой, она стеснялась его и поэтому носила какие-нибудь платочки, шарфики... И красиво, и шрам не видно.

– Так ведь лето почти...

– Да, она и летом носила либо воротник высокий либо тонкий шарфик, такой, как... даже не знаю, не понимаю я в этом... прозрачный.

– Шифоновый? Газовый?

– Наверно. Жену спросите, если это важно. Оперативники уже изъяли у нас все платки-шарфы, которые могли быть использованы как оружие убийства. Хотя это бред, ее же убили на улице; скорее всего, после этого шарф просто сожгли. Или выбросили. Не стали бы подбрасывать в дом, правда?

– Да уж.

– Бедный ребенок... – Он расстроено опустил плечи и сел обратно за стол.

– А откуда шрам у нее был?

– Да еще с детства. Знаете, она была таким... недолюбленным ребенком, болела постоянно. И смотрели за ней не так тщательно, как за младшей. Поэтому и падала чаще, и шрамов на теле больше. И шею успела обжечь, пока у нее утюг в руках заметили. Эх, Ева... – покачал головой мэр города в недоумении.

Так как он отошел от темы, я позволила себе задать еще вопрос:

– А что сказали судмедэксперты про время смерти Саши?

– Сашеньку убили между половиной первого и половиной второго ночи. Утром нашел дворник. Он вызвал полицию, пока приехали, пока установили личность, там уже Тина Вениаминовна спустилась в подвал и обнаружила Дарью. Нам с женой позвонили почти одновременно по разным смертям.

– Какой ужас... – Я задумалась. Время ухода из жизни обеих дочерей совпадало, и все-таки... – А не мог это сделать один человек?

– Что сделать? – не понял Ланской.

– Ну... допустим, сначала убить Сашу, затем приехать сюда и убить Дашу. – Заметив, что оба смотрят на меня с непониманием, стала развивать свою мысль: – К примеру, каким-нибудь сильным электрошокером или как-то еще... Можно же током убить человека специально!

– Это исключено. Во-первых, Дарью убили не электрошокером. Во-вторых, никаких посторонних в доме не присутствовало. В тот день не было осадков, но до этого целую неделю шли дожди, и у нас в Рве дороги только через пару дней подсохли. Так вот, никаких следов протектора шин автомобиля или велосипеда, помимо наших, возле дома не обнаружено. Было много следов обуви, но это друзья, с которыми девчонки гуляли допоздна около ворот. А от того места в Гогольске, где убили Сашу, до деревни пешком довольно далеко. Напрямик пройти нельзя – там гигантский ров (откуда и пошло название деревни) и заросшие поля, только вдоль шоссе. Этот человек бы просто не успел, даже существуя он в реальности.

Я еще немного напрягла извилины.

– А если кого-то подбросили, то есть большую часть пути он ехал, а уже к вашему дому шел пешком? И Даша ему сама открыла, так как это ее знакомый?

Александр Викторович приподнял брови и, как мне показалось, почувствовал что-то сродни уважению ко мне. По крайней мере, что-то такое отразилось в красивых темно-серых глазах.

– Знаете, – сказал он любимое слово, – я передам вашу догадку сотрудникам следственных органов. Пусть поработают в данном направлении. В принципе, следы вокруг дома изуча-

лись, но... как мне показалось, не так тщательно, как следует. Представляете, они даже не опросили всех ребят из их общей компании! Мы называли тех, с кем девочки проводили больше времени, но когда потом связывались с семьями, оказывалось, что и с половиной указанных имен никто не беседовал! Но, если ваша версия подтвердится... Если Дашу тоже убили... Это явно кто-то из общих знакомых, который виделся с обеими накануне, и... Очень может быть. Спасибо вам!

Я ощутила, как стремительно розовеют щеки. Больше ничего сказать мы друг другу не успели, так как у Ланского зазвонил телефон. Видимо, совещание подошло к концу, сотрудника нашли и передали, *кто* требует его внимания.

Мы встали и тихо вышли из комнаты, кивком попрощавшись. В зале все еще сидела Ева и тихо что-то шептала вышитому крестиком медведю, поднеся канву близко к лицу. Я не хотела, чтобы она нас заметила, настолько это все было неловко, но все же она услышала шаги и, вздрогнув, обернулась. Мы молча ей кивнули и сами прошли по коридору до двери на улицу. Уже там Танька ткнула в дверь, довольно далеко от входной:

– Это явно подвал.

– Думаешь? – засомневалась я. – Мне кажется, вход в подвал должен быть из дома. Да и мэр что-то такое говорил, что горничная слышала музыку.

– Обычно бывает два входа, – настаивала Рыжая, – снаружи и изнутри. А из подвала в любом случае звуки можно услышать, и не важно, где вход.

Мы замерли на пороге, косясь на подозрительную дверь.

– Ну и что ты предлагаешь?

– Если ты так вперилась в это, неплохо бы там зачекиниться. – Перевожу: «Если ты так заинтересовалась этими убийствами или несчастным случаем и убийством, неплохо бы попасть на место происшествия».

– А если нас засекут? – пугливым шепотом ответила я, к своему ужасу заметив, что ноги плавно передвигаются в сторону предположительного входа в подвал.

– Пригнись!

Мы шли вплотную к дому, но окна были на уровне наших лбов, так что я быстро вняла Танькиному совету.

Добравшись до двери, мы дернули ее пару раз: безрезультатно. Она была заперта.

– Возвращаемся, – хмуро шепнула я и только повернулась к калитке, как откуда-то из дома донеслись голоса. Прикинув в уме планировку, я поняла, что окно слева от двери, возле которой мы сейчас находились, относилось к гостиной. Самое интересное, что внутри помещения с этой стороны просто находилась глухая стена. Какая странная дверь, куда же она ведет?

Таня показала знак молчать. Она понимала профессию журналиста лишь в негативном, безнравственном ключе: вынюхивать, подглядывать и подслушивать. Я сперва не хотела вторгаться в чужую личную жизнь, но первые же услышанные слова заставили меня похолодеть и отняли способность передвигаться, так что уйти я в тот момент все равно бы не сумела.

Глава 3

– Надеюсь, ты не додумалась рассказать им про мышьяк? – вопрошал сердитый Александр Викторович. – Не дай бог, чтобы это попало в прессу!

– Конечно, не сказала. Но все равно они узнают!

– Откуда?.. Ева, когда же ты научишься держать свои мысли и чувства в узде?

Дальнейшая часть разговора была скучной, подходящей под категорию бытовой семейной ссоры, и мы вышли с территории.

– О чем они говорили? – бубнила по дороге Татьяна, ублажая свою словоохотливость. Долгое время ей приходилось слушать других, и теперь она наверстывала упущенное. – Что за мышьяк? Одну убило током. Другую задушили шарфом.

– Надо выяснить. – Меня это тоже беспокоило.

– Но как? Он тщательно следит за словами. И жену держит в ежовых рукавицах. Она и слова без его ведома не пикнет.

– Пикнет. Просто надо подловить ее одну. Она же рассказывала нам про Дарью, хотя муж этого не любит.

– Да. Вообще, это странно. Мать считает, что Даша – идеальная дочь, а Саша – не особенно. А отец думает наоборот. По крайней мере, Сашу выставил бедной, несчастной девочкой, которую мать никогда не любила и не следила за ней толком. Как думаешь, кто врет?

– Я думаю, истина где-то посередине. И никто из них не врет. Просто каждый видит ситуацию под своим углом. И странного в этом тоже ничего нет: у всех бывают любимчики.

В этот момент я увидела знакомую фигуру: нам навстречу бодро вышагивала горничная Ланских. В руках она несла пакеты с лейблом супермаркета и еще какую-то непрозрачную сумку, скорее всего, с костюмом, забранным из химчистки.

Я кашлянула, дабы привлечь Танькино внимание, и указала глазами на идущую. Мы чуть затормозили, и, когда она поравнялась с нами, я спросила:

– Вы не могли бы уделить нам пару минут и ответить на вопросы?

– Да-да, – с готовностью, сладкой для моих ушей, ответила женщина с редким именем. – Поскольку мой наниматель не против, я готова сотрудничать с прессой.

– Что вы можете рассказать про девушек?

– И про огни, – встряла Грачева, которая полагала, что я понапрасну трачу время в связи с этими убийствами (если оба случая именно этим и были).

– Девушки были проблемными, но... – Она пожала плечами, а мы с подругой переглянулись. Вот еще одно мнение – мнение лица, не отягощенного родством с усопшими. Оказывается, они обе были так себе. – В общем, я научилась находить с ними общий язык, так что произошедшее было для меня ударом. Я и не заметила, как успела к ним привыкнуть и считать практически своими племянницами.

Я решила конкретизировать:

– А сколько вы работаете в семье мэра?

– Пару лет.

– Так в чем состояла проблемность сестер?

– Ну, знаете... Семья не простая. Богатая. Влиятельная. Самая влиятельная, если брать в рамках города. Поэтому в том, что они выросли избалованными, нет ничего удивительного.

– А Александр Викторович давно является мэром? – спросила я, почувствовав легкий укол вины, как бывает, когда ты плаваешь на экзамене. Вроде бы знаешь предмет разговора, но не до конца и сильно этого стесняешься, так как было время подготовиться получше.

Но Тина Вениаминовна не удивилась моему политическому невежеству.

– Нет, однако он сам родом из семьи политиков. Семья Ланских всегда была обеспеченной и уважаемой.

– А сестры ладили между собой?

Почему-то этот простой вопрос поставил работницу в тупик. Она пошуршала пакетом, говоря:

– Ой, вы знаете, мне тяжело, я, наверно, пойду...

– А я подержу, – взяла я у нее из рук одну из сумок, которая и впрямь оказалась нелегкой.

– Да брось ты на землю, – изумленно брякнула мне Танька, затем поправилась, покосившись на женщину, – в смысле, поставь.

Но я не поставила, так как не нашла отклика на лице Тины Вениаминовны.

– Ну хорошо, – кивнула она, – раз сам Александр Викторович просил ответить на все ваши вопросы... Я не живу с этой семьей, поэтому многое упускаю из вида, и данный эпизод лучше выяснить у родителей. Но если вам интересно мое мнение, нет, они не были близки. Но родные сестры редко бывают близки, соперничество и все такое... Ничего уж прямо страшного не было, просто ссоры, ну и задевали друг друга как могли... Подтрунивали, одним словом. А вот в конце марта что-то у них произошло... – Она поджала губы, мол, сама не пойму, не подберу слов. – Я просто помню, что брала отпуск на две недели, мне надо было к родственникам в Брянскую область съездить, а когда вернулась, их как будто подменили.

– А поконкретнее? – начала я подгонять горничную, так как от пакета уже начали побаливать плечо и локтевой сустав.

– Дрались? – подсказала с ажиотажем и искренней улыбкой Татьяна, которая будто бы радовалась тому, что сестры не дружили. Откуда такая циничность? Они как-никак мертвы.

– Ну просто, помимо издевок, в их отношениях ничего не осталось, хотя раньше было. Сидели иногда обе на диване и смотрели кино. Или статьи из журнала зачитывали вслух одна другой, и обе обсуждали и хихикали. Ну, знаете, как бывает... Как подружки. А вот тогда все это резко прекратилось. У них точно соревнование началось, кто из них лучше.

– Как вы думаете, с чем это могло быть связано?

– Девушки, я пожила много годков на этой земле и замужем дважды побывала, и подружки мои в заклятых врагов превращались, так что я могу дать точное определение тому, что происходило. Ревность.

О как!

– То есть вы считаете, что они влюбились в одного парня? Или не поделили внимание родителей? Или друзей?

– Не знаю, что именно, но что-то не поделили – это точно, – кивнула женщина.

– Это могло стать причиной их смерти?

– Что? – удивилась прислужница. – При чем здесь их ссоры между собой? – Она выхватила у меня сумку. – Извините, помогла чем смогла. Мне надо идти.

– А как же огни? – активизировалась Танька. – Вы их видели?

– Что? – повторилась она. – Ничего я не вижу, мне некогда бегать огоньки смотреть. Хотя слышала часто от местных, что что-то такое в небе сияет. А мне-то что до этого?

Рыжая явно расстроилась, это дало повод считать, что беседа закончена, поэтому Тина Вениаминовна сделала несколько быстрых шагов в сторону нужного дома, но такой исход меня не устраивал, и, чтобы ее задержать, я инстинктивно крикнула:

– А как же история с мышьяком?

Она встала как вкопанная и разжала пальцы. Все сумки грохнулись на землю и раскидали свое содержимое в довольно внушительном радиусе. Почему-то она не кинулась собирать предметы, что соответствовало бы выявленным у нее темпераменту холерика и прилежностью в работе, а медленно повернулась к нам с выражением ужаса на лице.

– Как?! Откуда вы у... Это Александр Викторович вам сказал?

– Он самый, – пришлось мне соврать. Щеки предательски покраснели, а глаза опустились. Но ведь не совсем ложь, правда? То есть он ведь это произнес, только не нам...

– Но зачем он рассказал об этом?!

Похоже, у работницы семьи мэра был шок, и она спрашивала скорее саму себя, нежели кого-то из нас, тем не менее я ответила:

– Вы же знаете, как он любит журналистов. Он предпочитает ничего не скрывать от прессы.

– Да... – протянула она и начала медленно собирать продукты обратно в пакеты, словно это давало ей некую отсрочку от разговора на неприятную по каким-то причинам тему. Я не была настроена долго ждать, поэтому пришла ей на помощь, и вдвоем мы быстро справились с задачей. Теперь ей некуда было деться. – Это действительно мерзкая история... Я знала, что они не любят друг друга, но чтобы до такой степени... Понимаете? – Мы ничего не понимали, но выдавать свою неосведомленность по естественным причинам не могли. Потому молчали, давая ей продолжить. – Когда полиция все осматривала в доме, я сразу заметила, что пузырек с мышьяком лежит не так, как я оставляла. В том же ящике, но сверху, а я давно его не брала. Я крыс им травила у себя в квартире, пузырек мне еще от бабушки с дедушкой перешел, у них своя ферма была, и там крысы все поедали, ничем их истребить не могли, только мышьяк помог... Вот, и у меня завелись, я пузырек-то этот и нашла у сестры в деревне и привезла себе. Но у меня кот, и он такой невероятный... С ним бы в цирк... – Вот тут мы вообще перестали что-либо понимать, речь дамочки стала бессвязной. Но опять же, решили пока не вмешиваться. Вдруг котяра-циркач куда-нибудь да выведет? – В смысле, он любой ящик откроет, на любой шкаф заберется... Только что грызунов не ловит, а все остальное ему нипочем! Короче, я отнесла от греха подальше этот мышьяк к Ланским, убрала на их кухне. Разумеется, с их согласия! – мгновенно крикнула она, точно мы хотели ее в чем-то обвинить. – Ну вот, тогда-то эти напитки и забрали на экспертизу... И вот что выяснилось. До сих пор не укладывается! Они хотели убить себя? Или друг друга?

– Что?! – хором воскликнули мы.

– Как – что? Вам же рассказали Ланские?

– Ну да... Просто мы не подумали о том, что они пытались убить друг друга, – выкрутилась я и стала думать, как бы заставить ее рассказать поподробнее, что это за напитки, о которых она упоминала, но не пришлось, потому что по ходу ее истории все стало ясно.

– Но ведь на Дашиной кружке, стоящей в ее спальне, нашли отпечатки Саши. А на столе, из которого Саша всегда пила сок, отпечатки Дарьи. Но вместе с тем это ничего не разъясняет до конца, ведь они могли в любой момент трогать вещи друг друга. Хотя бы переставить на другой стол. Вот вам и отпечатки! Но убивать себя мышьяком... Я не верю. Не такие это девочки. Тем более такое отравление болезненно.

– Иными словами, вы уверены в том, что они сознательно пытались убить друг друга одним и тем же способом – отравлением мышьяком?

– Ну да, я и говорю об этом!

– Но они по каким-то причинам не выпили отраву, однако все равно умерли этой же ночью! Причем одну из них задушили на поляне под светящимися красными огнями, а другую убили током в подвале собственного дома!

– Да! Да! И я о том же. Все это очень странно. Ой... но я не имею права это обсуждать.

До того как мы успели что-либо сказать, Тина Вениаминовна скрылась с глаз. Очень шустрая тетенька.

У Рыжей был открыт рот. Она его закрыла, а потом разомкнула уста снова, чтобы сказать:

– Жесть! Мне начинает нравиться эта тема. Даже сильнее, чем тема с огнями.

– Я же говорила! В этой истории что-то не то. Тем более каким-то боком огни сюда все-таки влетают.

– У тебя все козыри на руках по поводу связи убийств с огнями.

– В смысле?

– Свидание с алкашом!

– А-а. – Мы дошли до остановки и стали высматривать расписание. – Во-первых, не свидание, а встреча. Деловая. Во-вторых, он не алкаш, он информатор.

– Да-да, но ты видела его квартиру? Там пусто. У бомжей больше предметов обихода. Блин, полчаса автобуса ждать...

– Он не так давно переехал, – стала я заступаться за парня, которого, в сущности, не знала.

– Действительно. Что-то около года. Маленький срок, чтобы обставить мини-квартиру.

– С чего ты взяла, что она мини, а не макси? Нас дальше кухни не приглашали.

– О, у тебя есть все шансы обследовать ее сегодня всю!

От такого хамства я ахнула, а затем заявила, что пойду в город пешком. И действительно пошла. Женщина в годах бегаёт туда-сюда каждый день и, может статься, не по одному разу, а я что? Молодая и спортивная. Уж как-нибудь дойду. Возможно, даже быстрее Таньки.

Посреди променада меня поймал звонок мобильного. Я без опаски ответила незнакомому абоненту, догадываясь, кем он может быть. Он и был.

– Юлия, это Прохор. Вы настроены сегодня на прогулку?

– Да. Сейчас как раз репетирую.

– Даже так? Я тоже на улице. Можем встретиться прямо сейчас. Скажите, где вы? – Я уже дошла до города, посему затруднилась объяснить. Только прочитала табличку с первого попавшегося здания. – Юль... Я на «ты», хорошо? Юль, посмотри прямо, ты видишь широкое стеклянное здание? Темное такое. Прямо возле шоссе.

– Да.

– Ну значит, я правильно понял, где ты. Это торговый центр. Встретимся у входа через двадцать минут.

Я дошла, конечно, раньше, поэтому не преминула зайти внутрь. Походила по этажам, попыталась даже померить туфли, но резко передумала, испугавшись, что заставлю человека ждать. Извинившись перед продавцом, которая искала мой размер, я вышла из бутика и спустилась на эскалаторе к выходу. Семашко немного опоздал, но я подбадривала себя тем, что эта встреча в общем-то нужна была мне, а не ему, и я не имею права злиться. Хотя жутко не люблю опаздывающих мужчин... Тем более опаздывающих на встречу с женщиной.

– Привет! – парень был очень радостным и поздоровался со мной таким тоном, точно мы были друзья неразлейвода. Я даже побоялась, как бы ему не вздумалось прыгнуть мне на шею.

– Здравствуй. Пойдем внутрь? – кивнула я на вход вопросительно, но Прохор нахмурился.

– Зачем? Мы же хотели прогуляться. Тем более у меня нет денег, чтобы ходить по торговому центру. Идем, я покажу тебе город.

Его искренность подкупала, и я кивнула безо всякого снобизма.

Гогольск, пронзенный сотней золотистых лучей, выглядел довольно милым и уютным. По-настоящему летним. И дело было не только в отличной майской погоде. Его маленькие похожие домики в три, четыре и пять этажей, его ухоженные газоны и подстриженные кустики, его вычищенные дороги и вежливые, уступчивые водители порождали в душе чувство семейности, умиротворенности, они словно говорили: «Здесь тебя никто не обидит. Мы считаем тебя своей, доверяй нам». И эта дивная атмосфера дневной жизни никак не сочеталась с мистической, сюрреалистичной ситуацией в жизни ночной. И если я еще могла не верить в красные огни, просто потому что ни разу их пока не видела, то я никак не могла отрицать тот ужас, который пережила сегодня ночью в номере гостиницы. Приходилось признавать: Гогольск – двуликий Янус. И с ним надо быть настороже.

Наверно, так же, как и с его обитателями.

– Они оба были моими товарищами, – после моего напоминания начал рассказ Семашко. – Это случилось полгода назад, мы вместе... ну-у... отмечали у Васьки дома.

– Что? День рождения? – бесхитростно спросила я.

Наивная...

– Не то что... – Парень облизнул обветренные губы и отвел взгляд. – Просто был повод... Ладно, что я вру? Не было повода, мы просто пили. И делали так каждый день. Но, Юль... Я хочу, чтобы ты понимала, я совсем другой человек сейчас. Эта история меня многому научила.

– Я же не сказала, что осуждаю тебя! – кинулась я успокаивать человека, до того он разволновался.

– Правда? Спасибо.

«За что спасибо? – подумала я. – Да, я не сказала, но ведь осуждаю!»

– Ой.

– Чего?

– Я ничего сейчас вслух не сказала?

– Ты сказала «ой».

– Тогда нормально. Продолжай.

– Вот, потом мы вышли на улицу. Был декабрь, и Васька, как самый трезвый из троицы, пошел нас с Кабаном провожать.

– С кем?

– Кабанов. Это фамилия того, которого посадили. Вот, путь лежал через стройку. Ну то есть мы решили сократить. Я по дороге посетовал, что меня выселили за просто так, потому что строить как раз прекратили к тому времени. Тогда Кабан предложил выпить прямо там, на месте, типа за упокой моего дома. Ну который снесли.

– Я поняла.

– Вот. Давай сюда свернем и выйдем к церкви. Очень она у нас красивая. Правда, на реставрации.

– Обожаю церкви! – обрадовалась я и полезла в сумочку проверять наличие фотоаппарата: делать снимки я тоже обожаю. Фотоаппарата, правда, не обнаружилось, но зато был телефон.

– Замечательно. Я в прошлые выходные на службу ходил. То есть в другую церковь, которая работает. Меня терзает ощущение, что я до конца так и не очистился. Знаешь, я такую жизнь вел...

– Давай ты про ту историю до конца расскажешь, – против обыкновения, перебила я собеседника. Просто это было важно для расследования, а пустыми разговорами можно развлекаться и потом. Первым делом самолеты, как говорится. – А после вернемся к твоему образу жизни.

– Да, извини. Тебе же надо материал делать. А ты давно в журналистике?

– Прохор, – растягивая первую гласную, выразила я недовольство. И дело даже не в том, что он вновь пытался отойти от «самолета», а в том, что отвечать мне было положительно нечего.

– Фух, прости, мне просто интересно все про тебя знать, и... Ладно, потом расскажешь. То есть если захочешь...

– Кабан предложил выпить...

– Ах да! Спиртное уже не продавали, была ночь, но у Кабана всегда с собой бутылка. Стаканов не было, пили из горла... Прости за такую неприглядную картину, но уж как есть...

– Ничего, я как будто... – Я чуть не лягнула «пьяниц не видела», но вовремя опомнилась. Это невежливо. – ...Неженка.

– Ну, ты похожа на нежную, хрупкую, порядочную девушку. Это то, как я тебя вижу.

– Спасибо. Итак, Кабан достал из-за пазухи бутылку. А закуску из кармана вытащил?

– Что? – Прохор хохотнул. – Не было никакой закуски. Пили так. В какой-то момент они с Васьком поругались. Я не помню, из-за чего, все было как в тумане. Короче, я их оставил там и ушел. А на следующий день пришли менты и меня повязали. Соседи Васькины описали его дружков, которые с ним «постоянно бухали», по их словам. Кабана не нашли, он пустился в бег. А меня – вот он я. Следы на месте, где произошло убийство, мои. Потом выловили Кабана, меня отпустили, короче, справедливость восторжествовала. И получил Кабан свою десятку, а я – новую жизнь. С тех пор не пью.

– А как он его убил?

– Ножом. Своим. Причем с собой унес. С этим же ножом его и повязали, он его так в кармане и носил. Придурок. Весь мозг пропил.

Мы как раз дошли до знаменитой церкви. Я достала телефон.

– Он сознался?

– А что ему оставалось? Конечно. Ты что... не веришь, что он убил?

– Мало ли...

– Он.

– Но при чем тогда огни?

– Я ж говорю, никаких огней не было. Это потом все в городе заговорили про какое-то НЛЮ красное. Я это точно помню. Тебя сфотографировать на фоне?

– Нет, я просто сделаю снимок фасада. – Орудую мобильным телефоном, я скрупулезно обдумывала услышанное. Затем обернулась к парню: – Прохор, ты только не обижайся... Но, может, ты настолько был занят своим... образом жизни, что ничего вокруг не замечал, а когда наконец протрезвел и появился интерес к событиям вокруг, только тогда и услышал про огни. Вот у тебя и отложилось, что это было после.

Спутник задумался, посмотрел на небо. На синий холст с небольшим вкраплением белых бесформенных пятнышек и большим желтым кругом в центре.

– Может, и так...

После этого, когда мы пошли дальше по дороге, он посмел взять меня за руку.

– Э-э... Зачем это? – Я мягко высвободилась. Не хотелось обижать человека, но хватать ладонь той, которую ты видишь второй раз и с которой даже не на свидании как таковом, это не по-джентльменски. Он ведь даже не спросил, не против ли я. А я, кстати, была против. Семашко не был уродом, далеко. Высокий, стандартной внешности брюнет. Но эта его биография... Каждый день хлестать из горла водку (или что они там пили)? Я такого не понимаю и не приемлю. Возможно, он и встал на правильный путь, но мне однажды знакомый сказал: «Бывших алкоголиков и наркоманов не бывает». Верить или нет, не знаю. Но риск велик.

– Извини! Больше не трогаю.

– Ты можешь проводить меня к заброшенной стройке? Нам сегодня ночью туда идти. Хочу знать, в каком это месте.

– Две хрупкие барышни ночью в незнакомом городе на заброшенном пустыре?! Ты в своем уме? Я пойду с вами.

– О как! Спасибо. А тебе не трудно?

– Да брось. Что мне еще делать?.. Вы где остановились? В гостинице?

– Да. В той, что... – Я попыталась вспомнить название улицы, но Прохор сообщил:

– Знаю, она одна в городе. Как там Петрович? По-прежнему сам гостей встречает?

– Да, периодически, – хихикнула я. – Нас заселял сам. А утром сегодня какая-то девушка за стойкой стояла. Может, его дочь? У них семейный бизнес?

– Нет-нет, Петрович один, у него нет семьи.

– А у тебя? Ты один живешь в новой квартире? – вспомнила я, что так и не спросила.

– Да, мы переехали с матерью, но, когда началась канитель с расследованием и подозрением в убийстве, у нее сердце не выдержало. Не успел я выйти, пришлось мать хоронить.

У меня защемило сердце.

– Прости, что напоминаю.

– Ничего... Во сколько мне зайти за вами?

Мы договорились на одиннадцать. Он будет ждать у входа. С этим мы расстались, я взяла на стойке ключ и поднялась к себе. Только я легла на кровать, протянула ноги и протяжно завывала то ли от усталости, то ли от блаженства, как в дверь постучались. Тогда я завывала снова, мысленно отругав себя за то, что заперлась на ключ. Ведь знала, что Танька уже в отеле, что она обязательно придет... Но что теперь.

С трудом поднявшись, впустила рыжую гостью в недра своего номера.

– Где тебя носит? Я думала, тебя убили по дороге. – Возмущенная Танька плюхнулась в кресло.

– Мне позвонил Прохор Семашко, мы встретились на улице, и он рассказал все, что помнил про ту историю.

– Ты записала на диктофон? – возбужденно затрясла она косой.

– Нет. Но запомнила достаточно хорошо. – Я пересказала.

– Ты ему веришь?

– Отчего ж нет? – пожала я плечами. – Все сказанное было логичным и правдоподобным.

Кстати, ты камеру зарядила? Сегодня он нас проводит на поле.

– Блин, его еще не хватало для полного счастья... Да, зарядила. Во сколько выдвигаемся?

– В одиннадцать он будет ждать возле гостиницы.

– Отлично.

– Ладно, иди, а то мне полежать надо. Ноги устали. А то еще ночью топать куда-то.

– Не куда-то, а за огнями! А что, вы разве не в кафешке сидели? Он не кормил даму сердца?

– Нет, он водил даму сердца.

– Ты что, ничего не ела весь день? Меня это всегда в тебе удивляло. Зернышко на обед, зернышко на ужин... А то и вообще без обеда обходишься.

На самом деле, от слов «ела», «обед» и «ужин» у меня рьяно забулькало в желудке. Я действительно голодна, но даже просто представить себе пойти куда-то было выше моих сил.

– Танька, будь человеком, налей мне чаю. – Я снова легла, вытянув ноги.

– Делать мне больше нечего! – фыркнула Рыжая и покинула номер. Вот что за человек? Лучше бы я с Катькой поехала. Она всегда обо мне заботится.

Застонав, я потянулась к граненому стакану, бытовавшему на столе возле шкафа, налила туда воды из-под крана и сунула привезенный из дома кипятильник. Не дожидаясь завершения процесса, вскрыла упаковку вафель и стала их жевать всухомятку.

Выпив горячего чаю и немного утолив голод, снова легла. В десять мы созвонились с Танькой, напомнив друг другу про миссию, а без пяти одиннадцать встретились на этаже.

– Ты камеру взяла? – осведомилась я.

– Конечно! Я ж не ты.

– Э-э! Когда это я что-нибудь забывала?

– Если я напрямую память, то смогу привести конкретные примеры, но мне лень.

– Знаешь, нет таких людей, которые ни разу за всю жизнь что-нибудь бы не забыли!

За мелкой перебранкой мы добрались до стойки, где снова дежурил Исирман.

– Где ж пышнотелая сменщица? – удивилась Грачева, вручая ключ.

– Я ее отпустил на пару часов по делам, – улыбаясь, ответил добродушный владелец гостиницы.

«Что же это за дела посреди ночи?» – удивилась я, потом вспомнила, что сама вроде как не в комнате сижу, и успокоилась. Передала привет от Семашко.

– Как он там? Всё пьет? – заинтересовался мужчина. – Хороший был парень, пока водка не сгубила его.

– Да нет, уже не пьет. Кстати, он нас встречает у входа, – кивнула я на дверь, но Эдуард Петрович лишь отмахнулся: некогда ему встречаться с давними знакомыми, он на посту. Что ж, ваше право, мое дело маленькое – сообщить.

Прохор действительно уже ждал.

– Да и что это за имя – Прохор, – неожиданно фыркнула спутница, парень, к сожалению, услышал, кивнул:

– И вам доброй ночи.

– Не обращай на нее внимания! – возмущенно молвила я и назло пошла рядом с ним по узкой дороге, чтобы Грачевой пришлось плестись сзади. Надеюсь, она усвоит урок. Нельзя оскорблять людей просто так, беспричинно. Только потому, что он тебе не нравится.

Несмотря на то, что городом завладела ночь, мы видели друг друга довольно хорошо: администрация тщательно следила за искусственным освещением улиц. Тротуары, как я уже отметила, были узкими, но это за счет широкой полосы растительности вдоль дорог. Гогольск был зеленее нашего родного города, и этим он действительно подкупал.

– А далеко топать? – раздалось недовольное бурчание сзади.

Шмыгая носом, Прохор ответил:

– Минут пятнадцать.

– Ты, наверно, не долечился? – посочувствовала я.

– Наверно.

– Почему же ты пошел с нами? Тебе бы полежать.

– Но я же обещал помочь.

– Как благородно! – запищала сзади Татьяна.

– Господи, ты угомонишься? – обернулась я к ней. Все-таки это было несправедливо по отношению к провожатому. Улицы города совершенно пусты. Даже свет фонарей не спас бы меня от чувства страха, если бы мы были с Танькой вдвоем.

– Да пожалуйста!

«И почему зависть – всегда неотъемлемая черта женской дружбы?» – кинулся не то в философию, не то в психологию мой внутренний голос, но я не стала поддерживать дискуссию. Одно только могу ему заметить: «Мы с ней не подруги!»

– И я даже понимаю почему, – кивнул Прохор.

– Что? О нет! Я опять вслух сказала.

– Что? – повторил меня удивившийся Семашко, а Грачева захохотала. Отсмеявшись, с лживой обидой произнесла:

– Вот как, Образец? Я-то тебя подругой считала.

– Замнем, – завздыхала я.

В процессе такой затейливой беседы мы очень быстро добрались до пункта назначения. На заброшенной стройке было темно. Здесь фонари не горели либо просто-напросто отсутствовали. Предусмотрительный Семашко достал и включил фонарик. Если бы он не светил нам под ноги, я бы явно споткнулась: тут и там валялись куски камня и арматуры. Небольшие. Крупные, видать, люди уже расхватали на собственные нужды. Или Эдуард Петрович был прав и строители сами забрали добро, бросив здесь лишь то, что посчитали мусором. Таких, как мы, было еще несколько человек, все, мимо кого удалось пройти и заметить их лица, относились к молодежи. Они тоже подсвечивали себе фонариками, мобильниками и айпадами. Мы остановились возле сцены, так как на нее можно было облокотиться, чтобы ждать появления НЛО с максимальным комфортом.

– Значит, ты жил здесь раньше?

– Да, – грустно отозвался Прохор и шмыгнул носом. Я испугалась, что довела мужчину до слез, но тут же вспомнила: он болеет. – Конечно, место изменилось до неузнаваемости. Раньше никакой грязи и мусора, у каждой семьи свой огород, свой палисадник, за которым тщательно следили.

– И сколько вас таких было? – спросила Танька. – Тех, что с палисадниками?

Проигнорировав толику сарказма в ее тоне, парень спокойно ответил:

– Когда нас стали выселять, уже очень мало. Некоторые дома сгорели. Благо что жителей в них не было. Другие скончались, а дом перешел в наследство родственникам, имеющим свою неплохую жилплощадь. Зачем им хибара у козы на рогах?

Я отвлеклась от созерцания красивого черного неба, подмигивающего десятками звезд, чтобы посмотреть на Прохора.

– Думаешь, дома горели неслучайно? Вас запугивали таким способом?

– Да нет, – ответил Семашко, – насколько помню, они горели до того, как здесь что-то запланировали строить. И с большим временным интервалом. Мальчишки баловались, – пожал он в итоге плечами.

– Ну не знаю... – с сомнением выдала я, устремившись взором вновь на небеса, а спутница решила прояснить момент:

– Видишь ли, Юлька у нас – любительница детективные истории сочинять на ходу. И их же распутывать. Сама себя так развлекает.

– Между прочим, я действительно много дел распутала и многих преступников нашла на радость нашим местным органам власти.

– Правда? – восхитился Прохор.

– Истинная.

Татьяна лишь хмыкнула.

Наконец-то воцарилась тишина. Вот что я люблю, так это молчание. Действительно золото. И, сказать по правде, пока это «золото» длилось, мы успели и небом полюбоваться, и замерзнуть, и от скуки понаблюдать за остальными пришедшими, которых, кстати, ближе к полуночи прибавилось. Но не намного. Все-таки тот ажиотаж, какой был раздут при помощи внештатников «Областного вестника», здесь пока себя не оправдывал. Либо огни случаются реже и видимы меньше, чем нас вместе с главным редактором пытались убедить, либо жители Гогольска не придавали таинственным огням такого же значения, как люди, близкие к журналистике. Так как я мерзла больше всех, я уже готова была предложить уйти домой (то есть кому-то домой, а кому-то в гостиницу), но пока сдерживалась, ввиду того что десятки людей, окружающих нас, обладали, по-видимому, бóльшим запасом терпения.

– А во сколько обычно начинается это световое представление?

– Я не знаю, – ответил мне Прохор беспечно. – Я никогда не слежу за огнями. Слышал, что ночью, как только темнеет.

– Но уже темно!

– Я в курсе, – кивнул он. – Тебе холодно, да? – понял Семашко причину моего недовольства. – Если хочешь, идем, провожу до отеля.

– Никаких отелей! – подпрыгнула Танька. – Я должна выполнить работу! Мне за нее заплатят!

Покосившись на Грачеву и пожалев ее кошелек, хмуро ответила:

– Пока терпимо. Будет совсем худо, скажу.

– Понял. Говори тогда. Я провожу. А эта пусть хоть всю ночь здесь тусуется.

– Вот говорила тебе, Образец! Нечего общаться с неадекватными людьми! Думаешь, он болеет? Да он наркоман! Они все носом шмыгают!

– Господи! – взмолилась я.

– Дура! – обиделся Прохор.

– Таня, этот, как ты скажешь, наркоман согласился нам помочь! Хотя мог бы спать вместо этого! Или принимать очередную дозу!

– Юля! – обиделся он теперь на меня. – Неужели и ты думаешь про меня такое?

– Да нет же! Это гротеск. Путем доведения мысли до абсурда я показываю, насколько смешна Танина теория.

– Ха! – изрекла Танька и переложила косу на плечо. Иногда то, как Грачева ею гордится, выглядит смешно, но должна признать, что сейчас редко где такие косы встретишь: она у нее чуть ниже пояса. – Кстати, сам ты дура, – повернулась она к Семашко. – Вот!

Провожатый разозлился:

– Это я-то дура?

Я решила сгладить конфликт и сменила тему:

– Все-таки жутко холодно. Странно, днем было жарко.

– Еще не лето, – пожал плечами Прохор. – Только в июне и июле жарко ночами.

– Ты что, синоптик? – не могла не влезть Танюха. – Ах, ну да, ты же алкаш. Вот поэтому и знаешь, в каких месяцах безопасно под забором ночевать.

– Таня!

Сам Прохор сказал матерное слово и ушел в сторону, чтобы быть от Грачевой подальше.

– А ты, Юлька, если так мерзнешь, делай что-нибудь! Побегай там, зарядкой займись!

Сразу согреешься.

– Отличная мысль! Только обещай за мной не бежать, лады?

Я и впрямь совершила пробежку, отчаянно при этом рискуя. Однако что-то странное случилось с моей невезучестью, потому что я ни разу не споткнулась и не упала. Оказавшись в другом конце предполагаемого концертного зала, я решила больше не испытывать на прочность внезапно свалившуюся на мои плечи удачу и перестала бегать в темноте. Главная цель уже достигнута – Рыжей не было рядом. Второстепенная же застряла посередине: вроде бы я и согрелась, но не настолько, чтобы перестать желать оказаться в отеле. В своем теплом номере с горячей водой в ванной и мягкой уютной постелью...

В этой части площадки расположились две влюбленные пары. Они сидели прямо на траве и смотрели на звезды. Я тоже устроилась на корточках неподалеку. Меня всегда нервировали влюбленные, наверно потому, что самой не так часто удавалось с кем-то посчитать звезды, но сейчас я чувствовала себя безопаснее среди людей. Городок и сам по себе непростой, а тут ночь, окраина, заброшенная стройка, налет фантастики, темень...

Кстати, это была действительно окраина. Справа от меня располагался самый настоящий овраг, обширный и глубокий, о котором, видимо, и говорил мэр. Дома находились далеко от стройки, только слева метрах в трехстах возвышалась девятиэтажка, и рядом, по бокам от нее, стояли две четырехэтажки, все они фасадами смотрели на стройку. Остальные дома были еще дальше.

– Вот ты где.

Я вздрогнула, но тут же узнала Прохора.

– А Танька где? – испуганно осведомилась я.

– Понятия не имею. Не со мной – это главное.

– Ага, я тоже так думаю.

Он пристроился рядом, и мы начали вдвоем изучать небо. К сожалению, на нем, кроме много раз уже упомянутых звезд, а также луны, ничего не было.

– Жалко, что ничего не смыслю в астрономии, – из уст Прохора вырвался гнусный смешок. – А то бы напел тебе чего-нибудь про Большую медведицу, а?

– Ничего страшного, обойдусь, – на полном серьезе и даже с каплей раздражения заверила я.

– Ну естественно, я тебе не нравлюсь... С чего бы?.. Ты просто пишешь статью, – говорил он словно сам себе, но вроде бы с намеком на обиду.

Мне почему-то стало стыдно, хотя разумом я понимала, что не сделала ничего плохого. Мы изначально сообщили Семашко, что нуждаемся в нем как в информаторе и только. И принцип «стерпится – слюбится» для меня, увы, никогда не работал. Я хочу любить. Безумно и взаимно.

– Чего вздыхаешь? – отметил он мое настроение.

Я ничего не ответила.

...Прошло минут сорок. Когда весь народ разошелся и мы остались на пустоши втроем, я осознала, что НЛО нас кинуло. За это время Танька нас нашла и успела побаловать разными байками. Она пообщалась с некоторыми парочками и выпросила у них кое-что «полезное для статьи», как она сказала. Почему-то о том, что этой статьи может так и не случиться ввиду отсутствия самих огней и, следовательно, интервью с этими людьми не будет стоить ни гроша, она не подумала. Она все говорила и говорила, передавала истории других людей, свои вопросы им и личные наблюдения, бесконечно вставляя словосочетание «по рассказам очевидцев», пока я окончательно не замерзла и не попросила Прохора проводить меня в отель. Грачева, разумеется, пошла с нами. По дороге она сокрушалась, что мы ничего не увидели сегодня, но предполагала, что нам может повезти завтра. Мне же было все равно, так как сильно хотелось спать, я просто кивала и угукала. Уже в своем номере, приняв душ и разобрав постель, я поняла, что в тот момент, когда разглядывала площадку и досягаемую взгляду часть района, в мою голову приходила какая-то мысль, но я не успела ее додумать, потому что появился Семашко и сбил меня, а теперь не могла вспомнить, что это за мысль вообще была. И тем более не могла однозначно ответить, важна ли она настолько, чтобы заниматься ею, вместо того чтобы наконец-то уснуть. В конечном счете я дала себе две минуты на реинкарнацию этой мысли, и если нет – так нет, забыть и полететь навстречу снам, но стоило сформулировать такой ультиматум, как перед глазами встал образ Прохора, говорящего: «Путь лежал через стройку, то есть мы хотели его сократить, потому пошли через нее». Затем вспомнились дома с западной стороны, овраг с восточной, а с севера и юга ничего не было, потому что эта площадка как бы возвышалась над оврагом и немного выступала из черт города. То есть, если пойти прямо, вдоль стройки, ни к каким домам ты не выйдешь, нужно взять чуть западнее. И вообще, в какой бы дом по этой улице ты ни направлялся, ты пойдешь по дороге вдоль девяти- и четырехэтажных домов, потому что так короче и там ровный асфальт. Потому-то эту часть и выбрали для строительства концертной площадки – чтобы не мешать жителям лишним шумом. Соответственно, нет такого пункта назначения, маршрут к которому лежал бы через стройку. Если только ты не идешь в город со стороны поля через овраг (что, впрочем, представляется маловероятным). Зачем же Прохор сказал, что они шли через стройку? И откуда или куда они тогда шли, чтобы оказаться там?..

Глава 4

Эту ночь я спала хорошо, никакие посторонние (или потусторонние?) звуки меня не отвлекали. В нашей гостинице еда в оплату проживания не входила, но в этом же здании, в другой его части, находилось небольшое кафе. Туда мы с Танькой утром и направились на завтрак, чтобы заодно обсудить сложившуюся ситуацию.

– Блин, не кофе, а колдовское варево, – брюзжала бывшая одноклассница, любящая критиковать все и вся. Мне же мой зеленый чай показался обыкновенным зеленым чаем, который я всегда и пила, потому я просто пожала плечами. – Итак, впервые огни появляются полгода назад. Примерно тогда же неизвестный нам Кабанище уколошил своего друга-собутыльника. А известный нам Прохоришка проходил по делу обвиняемым, но его причастность не была доказана. Потом огни появились через несколько месяцев, в третий раз – недавно. Вчера их не было, но люди на улице сказали, что видели огни позавчера. Эх, жаль, я не зарядила камеру...

– Может, сегодня ночью нам повезет?

– Очень на это надеюсь. Что ж, далее. Двух дочерей мэра убивают одновременно в разных местах. Одну в подвале дома, другую на поле, над которым витают огоньки. В ночь убийства огни были, в предыдущую и на следующую тоже, затем пару ночей не было, потом были, но мы их проворонили из-за разрядившегося аккумулятора, минувшей ночью – нет. – Я кивнула, мол, помню, ты говорила это вчера. – Все, я побубнила, теперь ты бубни. Че делать бум?

Я доела пирожное и отпила чай. Прожевав, сказала:

– По линии Ланских. Если они ненавидели друг друга до такой степени, чтобы отравить, мы должны выяснить во что бы то ни стало, в чем причина такой неприязни. Возможно, в этом кроется разгадка гибели сестер. Родители нам не захотели ничего говорить, горничная не знает причину, потому что уезжала, остаются друзья. Нужно выяснить «тусовочный круг», назовем так, пообщаться со всеми, кто в него входит. Авось проясним ситуацию. По линии НЛЮ. Нужно сходить на стройку минимум четыре ночи подряд, чтобы установить наверняка, что огней больше не предвидится, потому что закономерность их появления точно не прослеживается. Если они так и не возникнут в небе, тогда мы оставим свои координаты или Исирману, или Прохору, чтобы те с нами связались, когда свершится их возврат, и уедем.

– Что? Уехать?

– А что ты предлагаешь? У меня сессия. Я не могу торчать в этом городе неделями, если на то нет конкретной причины. Даже твой дядя, будь он трижды щедр, не позволит нам так грандиозно разбазаривать корпоративные деньги, ибо день проживания в люксе, я полагаю, стоит недешево. А еще надо умножить на два. Ладно бы это в итоге окупилось сногшибательным репортажем, но и этого не предвидится. Так что предлагаю выждать четверо суток. Днем, чтобы не было скучно, будем заниматься смертью дочерей мэра, а ночами ходить на поле, выслеживая огни. Если либо то, либо другое принесет какие-нибудь плоды, тогда станем изобретать новый план.

Грачева хмуро вздохнула.

– Годится.

Мы допили, что пили, доели, что ели, и покинули заведение. Подходя к дверям отеля, заметили остановившийся на малогабаритной стоянке серебристый «Мазерати». Грачева замерла на месте и перекинула свою примечательную косу через плечо, готовясь к встрече с «денежным мешком», о которой она всегда грезила. Я же, оставаясь равнодушной, не стала все-таки заходить внутрь, чтобы не разделяться со спутницей. Вдруг это все ненадолго? Она только растянет улыбку до ушей, а то и до затылка, и сладко-сладко пропоет: «Здра-авствуйте!» Очередной бизнесмен пройдет мимо, даже не взглянув, а может быть, чуть-чуть задев ее плечом (но не в качестве заигрывания, а просто потому что не заметит какую-то деваху, преграж-

дающую путь), и она вернется с небес на землю. А если заведется долгий разговор, вот тогда и уйду. Чтобы не мешать ей строить личную жизнь. Но это вряд ли.

Вот такие мысли проносились в моей голове, пока мы с Татьяной стояли возле ступенек, а незримый водитель парковался и выключал зажигание. Из пассажирской двери вышел парень невысокого роста, худой, с длинными темными невымытыми волосами, которые выступали за пределы бейсболки. Он был небрит, но волосатость лица не отвечала канонам ухоженности, красоты и стиля. То есть он не был небрит специально, в четко очерченных контурах лица, в строгих линиях от губ к подбородку, он был небрит, потому что долго не брился, и щетина как вылезла сама по себе, так и осталась. Из одежды на нем отмечались свободные джинсы и спортивная кофта на «молнии», почему-то мятая. Он достал с сиденья черную тряпочную сумку, подходящую на чехол для какого-нибудь крупного девайса, к примеру, операторской видеокамеры, и захлопнул дверь. Точнее, аккуратно затворил, словно боялся повредить. И только в следующий момент распахнулась дверь со стороны водителя. Тот плавно выпорхнул, точно играючи, закрыл дверцу и передвинулся к багажнику. Достал оттуда чемодан, опустил крышку и повернулся к нам лицом.

– Ах! – воскликнула я и тут же на себе ощутила всю правдивость и точность выражения «земля уплыла из-под ног».

Оба надвигались прямо на нас с Танюхой, и в тот момент, когда тот, что был за рулем, поравнялся со мной, мой рот растянулся в улыбке до самого затылка и сладко-сладко пропел:

– Здра-австуйте!

Мужчина, вовсе меня не заметив, прошел мимо, слегка даже задев плечом. Но я была рада... нет, неправильное слово, я была счастлива такой его грубости, и я знала наперед, что не буду мыть плечо еще очень-очень долго. До тех пор, пока оно не станет источать всяческие запахи. Хотя... после столкновения с самим Комиссаровым (а это был он, если только я не сошла с ума) мое тело должно, скорее, мироточить, нежели вонять.

Татьяна же оставалась хладнокровной.

– Слишком молод для гендиректора крупного концерна, – вслух рассуждала она. – В то же время – такая тачка? Может, он сын гендиректора?

– Это же Антон Комиссаров! – когда ко мне вернулся дар речи, я не могла держать больше это в себе. Более того, продолжая не владеть собой, я затрясла бедную Таньку за плечи. – Ты что, не видела?! Слепла?! Не узнала?! Это же КОМИССАРОВ!

– Так, успокойся! – приятельница скинула с себя мои озверевшие руки. – Кто это?

– Актер!!!

– А! – прозрела она. – Точно. Смотрю, рожа знакомая. Которого нам Исирман показывал?

– ДА! Только что он делает здесь?!

– Ну не знаю... Понравилось ему тут в прошлый раз. Решил опять наведаться. И вообще, если тебе это так интересно, нужно быть там, – кивнула она на дверь, – а не снаружи.

– Ты что, я не смогу... Он же там... Он же меня удивит... А вдруг я что-нибудь не то скажу... Или буду глупо выглядеть... Или...

Поток непроходимой тупости был прекращен деятельной Грачевой, которая взяла меня за локоть и насильно затащила в фойе.

О да, он был там. Это не мираж. Антон Комиссаров, кумир всех несовершеннолетних девушек России и одной двадцатидесятилетней, по всей видимости, перед заездом в маленький Гогольск успел побывать на каких-нибудь Мальдивах, о чем сообщали загорелый цвет лица и выгоревшие на макушке до светлого оттенка некогда русые волосы. Сейчас он грациозно опирался на стойку регистрации, его приятель тусовался неподалеку, а Исирман с безумным блеском в глазах прыгал перед ними, как слуга перед господами в эпоху рабовладения.

– Простите, Антон Сергеевич, тот номер, в котором вы останавливались в прошлый раз, сейчас занят другим постояльцем, но у меня осталось еще два прекрасных люкса на втором

этаже, они точно такой же планировки! Там даже, – заговорщицки понизил голос Эдуард Петрович, прикладывая ладонь к губам, – мебель поновее!

Всего на миг мои глаза застали инстинктивную улыбку прекрасных пухлых губ, которая тут же была изгнана с лица и заменена нарочитой строгостью:

– То есть в прошлый раз вы мы дали номер со старьем? – Бровь игриво взметнулась ко лбу. Вообще, хочется отметить, что все движения Комиссарова, все жесты, мимика, речь – всё было проникнуто какой-то легкостью, воздушностью, пластичностью, опять же игривостью, словно он и в жизни продолжать исполнять какую-то роль.

Роль императора моего сердца...

Грачева, продолжая держать свою спутницу за локоть, подвела нас обеих к стойке и попросила у Исирмана ключ.

Тот, не слыша и краснея, залепетал:

– Нет-нет! Я имел в виду, что прямо на днях привезли мебель... А тот номер, где вы были, там тоже все новое... А что не новое, то, напротив, антиквариат... Это еще ценнее...

Антон прыснул, затем открыто рассмеялся и ткнул бейсболочного в бок, дескать, во как я разыграл человека.

– Не парьтесь, – глубокомысленно изрек в итоге, поставил подпись и, подмигнув трясущемуся владельцу гостиницы (это какого балла должен дуть ветер, чтобы этот здоровенный «лист» дрожал на своем дереве-стойке? простой человек так дунуть не может, только звезда первого эшелона), взял свой ключ у него из рук и собирался уже идти к лестнице, как хозяин заметил-таки нас и произнес:

– А вот и журналистки из Москвы, которые тоже интересуются НЛЮ. Вот ваши ключики, девоньки.

Мы с Танькой переглянулись, но поправлять не стали. Из Москвы – так из Москвы. Исирман упорно отвергает возможность наличия иных городов в регионе. Только столица и Гогольск – единственный представитель ее области.

– Серьезно? – обернулся тем временем к нам актер и на этот раз именно посмотрел. Глаза в глаза с кумиром – это испытание не все способны выдержать. Я и не смогла. Кто-то перекрыл вентиль кислорода на подступе к мозгу, и я потеряла сознание.

– Девушка, вы как?

О чудо! Правый глаз, так как был посмелее, открылся первым и направился сперва на Эдуарда Петровича, держащего перед моим носом кусок ваты, а другой рукой приподнимающего голову, а после переместился на Антона Комиссарова, тоже снизошедшего до опускания своего туловища и сидения на корточках. Его забота умиляла гораздо сильнее, чем волнение Исирмана, ведь именно Комиссаров спросил: «Девушка, вы как?» – заглядывая в мой правый глаз.

Чудо!

Только что сказать?.. А, так и скажем:

– Чуд... десно.

Эдуард Петрович попытался меня поднять, но актер воспрепятствовал этому, заявив, что все сделает сам. От прикосновения теплой ладони меня зазнобило (а что на это скажут физики? есть они в зале? просто раньше я думала, что тепло передается от одного тела другому, а не заставляет испытывать озноб), и я едва снова не лишилась чувств, благо открывшийся левый глаз уперся в Грачеву, которая выразительно хмурилась, но, слава богу, молчала, и извилины все-таки стали шевелиться. Вот почему, когда боишься выглядеть глупо, выглядишь в итоге так глупо, что глупее не придумаешь?.. Все, хватит, эта была последняя глупость за сегодня и последняя тавтология, связанная с ней. Теперь стану вести себя умнее, я как-никак отличница.

– Мы проводим вас, да, Ярик? – обратился он к мятокофточному. – Нам всем нужно на второй этаж.

– Конечно, – впервые подал голос Йорик. Ой, простите, Ярик.

Исирман понял, что не нужен, и вернулся на свой пост. В этот момент как раз зазвонил телефон, так что ему было чем заняться. А мы четверо пошли вверх по ступенькам.

– Значит, вы коллеги? – продолжил беседу Антон.

Вообще как-то странно называть его просто Антон. Без фамилии. Ведь имя плюс фамилия – это бренд для звезды. В то же время сейчас, при близком рассмотрении, он уже не казался мифическим существом, античным богом, который не может просто так ходить по земле, чьи сообщения в мир живых могут приходиться лишь через посредника – телевизор. Я поняла, что при съемках на лица актеров кладут очень много грима. Нет, это был по-прежнему очень красивый молодой человек, но кожа выглядела обыкновенной, с такими же мелкими дефектами, как и у всех. Однако данное открытие вызывало только радость, потому что я начала понимать: он живой, он настоящий, он человек, а стало быть, к нему можно подойти, с ним можно поговорить, и за это он не ввергнет тебя в бездну одним движением трезубца. Более того, он сам подошел (то есть поднял с пола) и сам заговорил. Так что можно чувствовать себя еще спокойнее и свободнее.

Пока я проговаривала внутренний монолог, Танька уже ответила лаконичное «да», но не успела добавить коронное «Мы из Областного вестника», как Комиссаров задал новый вопрос:

– Вы очень дружны?

Грачева подавилась подступившим к горлу, но не высказанным наименованием газеты и уставилась на меня. Я пожала плечами.

– Наверно, – сказала она неуверенно.

И тут я задумалась. Зачем открывать перед симпатичным актером и его менее симпатичным другом свою антисоциальную сущность? Разве он захочет общаться с букой?

– Да, – ответила я почти сразу за Танькой, но громче, с нажимом.

Редко я держусь с апломбом, точнее сказать, почти никогда, но здесь на кону вся моя жизнь. Потому что, когда я буду старенькой и стану вспоминать кучу прожитых лет, вовсе не учеба или работа придут на ум. Придут именно эти две минуты, когда сам Комиссаров провожал меня в гостиничный номер.

– Так что там с таинственным летающим объектом? Он появился-таки?

– Объектами, – когда я только успела рот открыть, чтобы побеседовать с Мечтой, встряла Танька, которой только повод дай. – Их несколько, по рассказам очевидцев. – И опять эта излюбленная фраза! «По рассказам очевидцев». Она что, себя корреспондентом со стажем считает? – Мы ходили с Юлькой туда этой ночью, но не застали их. – Грачева добавила, в какие дни «по рассказам очевидцев» огоньки прилетали поглазеть сверху на этот город.

– Ясенько. А я приезжал сюда в конце марта, но огни как раз в тот день закончились, так что я не успел пронаблюдать это диво. Зато сейчас со мной Ярик! Он специалист-уфолог.

– Да что вы? – обрадовалась Танька и перевела взор на «специалиста». Наверно, уже прикидывала, как станет брать у него интервью, если за четыре отведенных мною до завершения операции дня удастся все-таки поймать НЛО. – А Ярик – это Ярослав?

– Угу, – подтвердил малоразговорчивый спутник звезды. Да-да, не только у планет они есть, как выяснилось.

– Так вы пойдете сегодня зырнуть на огонечки? – Здесь липовая журналистка заметила мой негодующий взгляд и поправилась: – Ну то есть смотреть?

– Да, планируем, – ответил Антон.

Грачева застыла, так как дошли до ее номера. Я, честно говоря, забыла, куда мы вообще направлялись, так что если бы не она, я бы и мимо ее номера прошла, и мимо своего собственного.

– Тогда можно пойти вместе. Мы знаем отличную поляну, откуда их лучше всего видно, – напоследок проворковала она, смотря в глаза только Комиссарову, и, не дожидаясь ответа, кокетливо скрылась за дверью.

Меня довели до соседней.

– Приятно было познакомиться, – вспомнила я, что не немая, поворачивая ключ и улыбаясь, но тут же осознала, насколько нелепо это звучит, ведь Комиссарова я знала, его вообще невозможно не знать (если ты не Татьяна Грачева, конечно), и улыбка с моих губ утекла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.